

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1865

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 18 дня, 1865 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Цензоръ, архимандритъ *Мисаилъ*.

О НИЩЕЛЮБІИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

С Л О В О 1-е.

Предстоятель сей церкви (а) и наставники леуклоннаго благочестія и добродѣтельной жизни имѣють много сходства съ учителями граматъ и наставниками въ первоначальномъ чтеніи. Ибо какъ тѣ, принявъ отъ родителей, дѣтей юныхъ и еще нетвердыхъ въ рѣчи, не тотчасъ приводятъ ихъ къ окончательнымъ познаніямъ, но начертавъ сначала на восковой таблицѣ алфу и слѣдующія буквы, учать узнавать ихъ имена и упражняютъ руку въ ихъ начертаніи; послѣ сего ведутъ далѣе, къ слогамъ, а за тѣмъ учать произношенію словъ: такъ и вѣжди церкви, приводя слушателя сначала къ первоначальнымъ ученіямъ, за тѣмъ преподають ему совершеннѣйшее знаніе.

(а) Вѣроятно, самъ св. Григорій. Слово говорено въ св. Чегаредельницѣ. См. Прибавл. къ Твор. св. Огцевъ. Т. XX. стр. 64. примѣч. е.

Итакъ, поелику въ предшествовавшіе два дня мы обуздывали привязанность къ наслажденіямъ гортани и чрева, то не подумайте, что и нынѣ я буду говорить о томъ же, — какъ хорошо отказаться отъ мясъ и воздерживаться отъ смѣхололюбиваго и шумливаго вина, остановить усердіе поваровъ и совершенно утомляющуюся руку виночерпія. Ибо объ этомъ мною достаточно сказано; и вы дѣлами показали дѣйственность убѣжденія. Вамъ, изучившимъ первоначальное ученіе, хорошо постепенно передать прочія, высшія и болѣе мужамъ приличныя наставленія.

Итакъ, есть постъ и нетѣлесный, есть воздержаніе невещественное, относящееся къ душѣ, — удержаніе себя отъ зла; его ради намъ узаконено и то воздержаніе отъ яствъ. Итакъ, поститесь отъ злобы, воздерживайтесь отъ пожеланія чужаго, удерживайтесь отъ неправой корысти; умерщвляйте голодомъ сребролюбіе мамоны; да не будетъ въ домѣ дорогихъ украшеній, отъ насилія и хищенія. Ибо чтò пользы, если ты не подносишь къ устамъ мяса, а угрызаешь брата злобою? Или какая выгода, если ты своего не ѣшь, а неправо взялъ принадлежащее бѣдному? Какое же это благочестіе, если пія воду, уготовляешь коварство и жаждешь, по злобѣ, крови? Постился конечно вмѣстѣ съ одиннадцатю и іуда, но, не укротивъ сребролюбиваго нрава, не полу-

чиль отъ воздержанія никакой пользы во спасеніе. И діаволь не ѣсть, ибо онъ духъ безтѣлесный; но по причинѣ злобы онъ испалъ съ высоты. Подобнымъ образомъ и каждый изъ демоновъ ни кушанья не употребляетъ, ни въ многопитіи или пьянствѣ не можетъ быть обвиненъ, ибо природа не дала имъ возможности принимать снѣди. Однакожъ, и ночью и днемъ блуждая по воздуху, они суть дѣлатели и слуги злобы, и тщательно строятъ противъ насъ козни. Они истаявають отъ зависти и ненависти, которыхъ хорошо избѣгать, если мы, люди, хотимъ быть своими Богу, тогда какъ они испали изъ содружества съ добромъ.

Итакъ любомудріе да руководитъ образомъ жизни христіанъ, и душа да бѣгаетъ пагубы зла. Ибо если, воздерживаясь отъ вина и мяса, мы виновны въ грѣхахъ воли, то предсказываю, и напередъ свидѣтельствую: не принесутъ намъ никакой пользы вода, и овощи, и безкровный столъ, если мы не имѣемъ внутренняго расположенія, подобнаго внѣшней видимости.

Постъ узаконенъ для чистоты души; если же онъ оскверняется инаго рода намѣреніями и дѣйствіями, то для чего напрасно тратимъ воду, которую пьемъ? Для чего воздѣлывать эту несмываемую и чрезмѣрную грязь? Что пользы отъ тѣлеснаго поста, если нечистъ

умъ? Ибо никакой нѣтъ пользы, если колесница прочна и упряжь въ порядкѣ, а возница не въ своемъ умѣ. Что пользы въ корабль, хорошо устроенномъ, если кормчій будетъ пьянъ? Постъ — основаніе добродѣтели. Но какъ основаніе дома и дно корабля, хотя бы были весьма твердо положены, бесполезны и не имѣютъ никакой цѣны, если слѣдующее за тѣмъ въ нихъ построено неискусно: такъ и отъ воздержанія сего нѣтъ никакой пользы, если къ нему не приложатся, и за нимъ не послѣдуютъ и прочія правыя дѣла. Страхъ Божій да учитъ говорить что прилично, не говорить пустаго, знать время и мѣру, и слово необходимое и отвѣтъ умѣстный; не говорить безмѣрно, не осыпая собесѣдниковъ градомъ словъ. Ибо потому нѣжнѣйшая изъ перепонокъ, прикрѣпляющая языкъ къ нижней полости рта и называется уздою, чтобы не говорить безпорядочнаго и неблагопрістойнаго; (языкъ) да благословляетъ, а не злословитъ, поетъ, а не поноситъ, хвалитъ, а не порицаетъ. Опрометчивая рука да свяжется памятованіемъ о Богѣ, какъ цѣпью. Мы потому постимся, что поношеніями и заушеніями оскорбили нашего Агнца предъ пригвожденіемъ; итакъ мы ученики Христовы не поревнуемъ іудейскому обычаю.

Если мы такъ будемъ расположены, то Исаія скажетъ намъ: *почто въ судьхъ и сварьхъ по-*

ститесь и біете пѣстми смиреннаго (Иса. 58, 4.).
Научись отъ того же пророка дѣйствіямъ
 искренняго и чистаго поста: *разрѣшай всякъ*
союзъ неправды, разрушай обдолженія насил-
ныхъ писаній; раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой,
и нищія безкровныя введи въ домъ твой (ст. 6, 7.).

Настоящее время представляетъ намъ большое обиліе лишенныхъ одежды и крова; ибо множество плѣнныхъ находится у дверей каждаго; и въ странникахъ и пришельцахъ нѣтъ недостатка; вездѣ можно увидѣть протянутую просящую руку. Домъ ихъ — воздухъ подъ открытымъ небомъ; гостиницы — портики, улицы и пустыри на площадяхъ. Подобно ночнымъ вѣронамъ и совамъ, они скрываются въ трущобахъ. Одежда ихъ — изорванныя лохмотья; земледѣліе—расположеніе милосердствующихъ; пища — что перепадетъ отъ когонибудь; питіе, какъ безсловеснымъ, — источники; сосудъ для питья — пригоршни; кладовая — пазуха, и та если не разорвана, а удерживаетъ влагаемое; столъ — сжатая колѣна; постель—земля; баня—та, которую Богъ устроилъ и далъ всѣмъ вообще, — рѣка или озеро. Жизнь ихъ — скитальческая и дикая; не такова она была сначала, но стала таковою отъ несчастія и нужды.

Имъ помощи постыщійся! О несчастныхъ братьяхъ позаботься! Что ты отнялъ у своего чрева, предложи алчущему. Страхъ Божій да

будеть справедливымъ уравнителемъ. Благо-
разумнымъ воздержаніемъ уврачуй два проти-
воположныя страданія: свое пресыщеніе и
голодь брата. Ибо такъ дѣлають и врачи:
однихъ истощають, другихъ насыщають,
чтобы чрезъ прибавленіе и отнятіе (пищи)
каждому сберечь здоровье. Послушайте доб-
раго увѣщанія; да отворить (наше) слово
двери достаточныхъ; совѣтъ нашъ да введеть
бѣднаго къ имущему.

Одно же слово да не обогатитъ нуждаю-
щихся; предвѣчное Слово Божіе да дастъ имъ
и жилище и одръ и трапезу. Ласковымъ сло-
вомъ оплодотвори употребленіе твоихъ стя-
жаній. Кромѣ сихъ, есть еще другіе нишіе, —
больные и лежащіе. Каждый пусть заботится
о сосѣдяхъ. Не попускай, чтобы другой по-
служилъ твоему ближнему. Да не возьметъ
другой сокровиша, тебѣ предложеннаго.

Обними несчастнаго, какъ золото. Заклучи
въ объятія потерпѣвшаго несчастіе, какъ твое
здравіе, какъ спасеніе жены, дѣтей, домаш-
нихъ и всего дома.

Убогій и больной вдвойнѣ бѣденъ. Ибо
здоровые изъ немущихъ переходять отъ
двери къ двери, ходять по имущимъ, сидя
на перекресткахъ взываютъ ко всѣмъ прохо-
дящимъ. Эти же, связанные болѣзнію, заклю-
ченные въ тѣсныхъ жилищахъ и въ тѣсныхъ
уголкахъ, какъ Даніилъ во рвѣ, ожидаютъ

тебя, богобоязливаго и нищелюбца, какъ Аввакума. Будь другомъ пророку посредствомъ милостыни, предстань нуждающемуся скорымъ и неждностнымъ кормильцемъ. Даяніе не убыточно. Не бойся; плодъ милостыни произрастаетъ обильно. Постъвай раздавая, и исполнишь домъ добрыхъ пріобрѣтеній.

Но скажешь: и я бѣденъ. Пусть такъ; давай. Давай что имѣешь; ибо Богъ не требуетъ сверхъ силъ. Ты (дашь) хлѣбъ, другой — чашу вина, иной — одежду, и такимъ образомъ общимъ сборомъ уничтожается несчастіе одного. И Моисей на издержки по скинни получилъ не отъ одного слуги (Божія), но отъ всего народа. Одинъ богачъ принесъ ему золото, другой—серебро; бѣдный—кожи, бѣднѣйшій бѣднаго—шерсть (Исх. 25, 28—30). Видишь ли, какъ и кодрантъ вдовицы превзошелъ вклады богатыхъ. Ибо она высыпала все, что имѣла, у тѣхъ же не многое выпало (Марк. 12, 43. 44.).

Не презирай лежащихъ, какъ ничего не стоящихъ. Подумай, кто они, и найдешь ихъ цѣну. Они носятъ на себѣ образъ Спасителя нашего. Ибо Человѣколюбецъ далъ имъ собственный образъ, чтобы имъ устыдить не-сострадательныхъ и нищененавистниковъ; они подобны тѣмъ, кои указываютъ насилующимъ ихъ на царскія изображенія, чтобы образомъ владычествующаго устыдить презрителья. Они

—сокровищехранители ожидаемыхъ благъ, привратники царствія, отверзающіе двери для добрыхъ и заключающіе для жестокихъ и чело-
вѣконенавистниковъ. Они — и сильные обвинители, и добрые защитники. Защищаютъ же и обвиняютъ не словомъ, но видомъ своимъ предъ Судіею. Ибо дѣлаемое для нихъ взываетъ къ Сердцевѣдцу внятнѣ всякаго глашатая. Ради нихъ начертанъ намъ и сей страшный судъ вѣстниками Божиими, о которомъ вы часто слышали.

Тамъ я вижу Сына Человѣческаго, грядущаго съ небесъ, идущаго по воздуху, какъ по землѣ, окруженнаго многими тмами Ангеловъ; потомъ возвышающійся престолъ славы и всѣ племена человѣческія, какія ни приходили въ бытіе, и освѣщались солнцемъ и вдыхали сей воздухъ, раздѣленные на двѣ части и предстоящія судилищу. Стоящіе съ правой стороны названы овцами, а тѣ, кто на другой, слышу я, названы козлищами, навлекшими на себя это названіе по сходству нравовъ. Слышу тамъ рѣчи Судіи къ подсудимымъ и отвѣты судимыхъ Царю. Каждому назначается въ удѣлъ, что ему слѣдуетъ: проводившимъ жизнь хорошую — наслажденіе царствіемъ, а чело-
вѣконенавистникамъ и злымъ — огненное мученіе и притомъ вѣчное. Все это описано тщательно (Матѳ. 25, 31—46.). И сіе строгое судилище живо изображено словомъ не для

инаго чего, какъ для того, чтобы научить насъ пользѣ благотворительности. Ибо она содержитъ жизнь, она — мать бѣдствующихъ, учительница богатыхъ, благая дѣтопитательница, попечительница о старцахъ, казнохранилище нуждающихся, всеобщее пристанище несчастныхъ; она дѣлитъ свои заботы всѣмъ возрастамъ и несчастіямъ.

Ибо какъ судьи на пустыхъ человѣческихъ состязаніяхъ, трубою провозглашая свою щедрость, всѣмъ подвизающимся на мѣстѣ борьбы обѣщаютъ богатую раздачу: такъ и благотворительность призываетъ къ себѣ всѣхъ, находящихся въ трудныхъ обстоятельствахъ, раздѣляя приходящимъ не награды за удары, но пособія противъ несчастій. Она выше всякаго похвальнаго дѣла; она присѣдитъ благому Богу, возлюблена Имъ и весьма близка Ему. Такимъ образомъ первымъ совершителемъ благихъ и человѣколюбивыхъ дѣлъ является намъ самъ Богъ. Ибо созданіе земли, и украшеніе неба, и благоустроенную переменную времянь, и теплоту солнечную, и охлаждающую природу льда, и все въ частности Богъ постоянно производитъ не для Самого Себя,—ибо Онъ не имѣетъ въ этомъ нужды,—но для насъ. Онъ невидимый земледѣлецъ, производящій для людей пищу. Онъ благовременный сѣятель и мудрый ороситель. Ибо Онъ, по (слову) Исаи (Иса. 55, 10.) даетъ

сѣмя сѣящему и воду изъ облаковъ; то тихо орошаетъ ею землю, то стремительно льетъ ее на борозды полей. Когда же посѣвы выросли и поспѣла зелень, тогда разсѣявъ облака по всему небу, освобождаетъ отъ покрова солнце, которое распространяетъ теплоту и огневые лучи, чтобы колосья созрѣли къ жатвѣ. Онъ возвращаетъ и виноградъ, заготовляя въ свое время питіе жаждущему; питаетъ для насъ разнаго рода стада, чтобы у людей была обильная пища, а кожи однихъ животныхъ, производя шерсть, доставляли покровъ, а другихъ — давали намъ обувь. Видишь, что первый любитель благотворительности есть Богъ, питающій алчущаго, напаяющій жаждущаго и одѣвающій нагаго, такъ какъ сказано выше.

Если же пожелаешь услышать, какъ заботится Онъ и объ удрученныхъ болѣзнію, то узнай. Кто научилъ пчелу дѣлать воскъ и вмѣстѣ съ нимъ медъ? Кто заставилъ сосну, теревиню и мастиковое дерево, источать этотъ жирный сокъ? Кто сдѣлалъ страну индійскую матерью сухихъ и благовонныхъ плодовъ? Кто возрастилъ маслину, помогающую въ тѣлесныхъ страданіяхъ и болѣзняхъ? Кто научилъ насъ распознавать корни растений и узнавать заключающіяся въ нихъ свойства? Кто создалъ, дающее здравіе, врачебное искусство? Кто извелъ изъ земли источники

теплыхъ водъ, то исцѣляющіе насъ отъ холода и влажности, то разрѣшающіе сухость или затвердѣнія? И можно благовременно сказать съ Варухомъ: *Сей избрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Якову отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ Него* (Вар. 3, 36. 37.). Отсюда искусства дѣйствующія при помощи огня и безъ огня, и другія, — при помощи воды, и безчисленные избрѣтенія ремесль, чтобы нужды жизненные удовлетворялись безъ недостатка. И такимъ образомъ Богъ есть первый избрѣтатель благотворительности, богатый и вмѣстѣ сострадательный податель необходимаго для насъ.

Мы же каждую буквою Писанія наставляемые соревновать Господу и Зиждителю нашему, на сколько доступно для смертнаго подражаніе Блаженному и Безсмертному, все обращаемъ къ собственному наслажденію; одно отдѣляемъ для собственной жизни, другое берегаемъ наслѣдникамъ; о несчастныхъ же — ни слова, о нищенствующихъ — никакого благаго попеченія. О немилосердное сердце!

Человѣкъ видитъ человѣка, нуждающагося въ хлѣбѣ, невмѣющаго необходимой живительной пищи; но не помогаетъ ему съ готовностію и не подаетъ ему спасенія, а оставляетъ безъ вниманія какъ какое нибудь зеленѣющее растеніе, несчастно засыхающее отъ недостатка воды; и это (дѣлаетъ чело-

вѣкъ) обладая чрезъ край текущимъ богатствомъ, и имѣя возможность на многихъ излить утѣшеніе отъ имуществъ! Ибо какъ разливъ одного источника утучняетъ много пространныхъ равнинъ; такъ и богатство одного дома достаточно для спасенія множества бѣдныхъ, — если только скупое и необщительное сердце, какъ камень, попавшій при выходѣ, не задержитъ разлива.

Не все для плоти, поживемъ нѣсколько и для Бога. Ибо ощущеніе и услажденіе отъ пищи получаетъ малая часть плоти, — гортань; а пища, перегнивши въ желудкѣ, наконецъ извергается. Милосердіе же и благотворительность суть дѣла, любезныя Богу, и если обитаютъ въ какомъ человѣкѣ, то обожествляютъ его и образуютъ по подобію Всеблагаго, чтобы онъ былъ образомъ перваго, и чистаго, и всякій умъ превосходящаго Существа.

Какой же конецъ обѣщанъ такой ревности? Здѣсь добрая надежда и радостное ожиданіе, а потомъ, когда оставивъ сію скоропреходящую плоть, преоблачимся въ нетлѣніе, — блаженная жизнь, непрестающая и негибнущая, гдѣ уготованы нѣкія дивныя и нынѣ неизвѣстныя наслажденія.

Итакъ вы, сотворенные разумными и имѣющие умъ, который служитъ истолкователемъ и учителемъ Божественныхъ (повелѣній), не обольщайтесь преходящимъ. Приобрѣтите то

что никогда не оставляет приобретшаго; определите мѣру пользованію жизнию. Не все ваше, но часть пусть принадлежитъ и бѣднымъ, любезнымъ Богу. Ибо все принадлежитъ Богу, общему Отцу. Мы же — какъ бы братья родные; братьямъ же всего лучше и справедливѣе раздѣлять наслѣдство поровну. Въ противномъ случаѣ, если одинъ присвоилъ себѣ болѣе, чѣмъ другой, остальные пусть воспользуются хотя частію. Если же кто захотѣлъ бы быть господиномъ всего вообще, лишая братьевъ и самой третьей или пятой части, тотъ злой тиранъ, непримиримый варваръ, ненавистный звѣрь, радостно отверзающій пасть только на пищу; таковой суровѣе даже самыхъ звѣрей. Ибо и волкъ допускаетъ волка въ ѣду, и собаки также во множествѣ терзаютъ одинъ трупъ: онъ же ненасытный никого изъ одноутробныхъ не допускаетъ къ участию въ богатствѣ. Тебѣ достаточно умѣреннаго стола; не пускайся въ это море необузданнаго пировація. Ибо тебѣ угрожаетъ жестокое кораблекрушеніе, не о подводные камни сокрушающее, но ввергающее въ глубочайшую тму, откуда впавшій туда никогда не выдетъ.

Пользуйся, но не злоупотребляй; ибо этому учитъ тебя и Павелъ (1 Кор. 10, 23.); позволяй себѣ умѣренное наслажденіе; не упивайся удовольствіями. Не будь губителемъ почти

всѣхъ животныхъ: четвероногихъ, большихъ, малыхъ, птицъ, рыбъ, легко добываемыхъ, рѣдкихъ, дешевыхъ и дорогихъ. Не наполняй по́томъ многихъ ловцевъ одно чрево, какъ какой глубочайшій колодезь, который не могутъ наполнить множество рукъ засыпающихъ. Ради роскошествующихъ не остается спокойно и бездна морская. Ловятъ не только плавающихъ въ водѣ рыбъ; но и тѣ жалкія животныя, которыя движутся на днѣ морскомъ, и тѣ извлекаются на сушу и на этотъ воздухъ. Такъ не утаились (различные) роды устрицъ; ловится морской ежъ, попадаетъ въ сѣть ползающая сепія. И полипъ, приросшій къ камнямъ, отрывается отъ нихъ, и раковины извлекаются изъ глубочайшихъ безднъ. И всѣ роды животныхъ, какъ тѣ, которыя плаваютъ по волнамъ, такъ и тѣ, которымъ опредѣлено населять дно морское, извлекаются на сей воздухъ, при чемъ изобрѣтательность любителей наслажденій измышляетъ для нихъ различныя сѣти.

Что же влечетъ за собою роскошь? Гдѣ ни появится это зло, оно, какъ болѣзнь, необходимо влечетъ за собою и свои дурныя послѣдствія. Рѣшившіеся имѣть роскошный и изнѣженный столъ необходимо вовлекаются въ постройку великолѣпныхъ зданій и издерживаютъ много богатства на обширные дома и изысканное украшеніе ихъ; при этомъ за-

ботятся о красотѣ одровъ, убирая ихъ цвѣтными и всячески испещренными коврами; дѣлають очень дорогіе серебряные столы, одни гладко отполированные, другіе изукрашенные рѣзьбою, — такъ чтобы вмѣстѣ и служить имъ для гортани, и насыщать взоръ изображенными на нихъ событіями. Обрати со мною вниманіе и на остальное: чаши, треножники, кружки, ручнойные сосуды, блюда, безчисленные роды стакановъ; шутовъ, актеровъ, музыкантовъ, пѣвчихъ, острослововъ, пѣвцевъ, пѣвицъ, танцовщицъ, всю свиту распутства, отроковъ, женственно прельщающихъ волосами, безстыдныхъ дѣвицъ, по нескромности сестеръ Иродіады, убивающихъ Іоанна — находящійся въ каждомъ богоподобный и любомудрый умъ.

Въ то время, какъ все это совершается внутри дома, у воротъ присѣдять безчисленные Лазари: одни — покрыты тяжкими язвами, другіе — съ выбитымъ глазомъ, иные — оплакивають потерю ногъ, а нѣкоторые изъ нихъ совершенно ползѣють, потерпѣвъ лишеніе всѣхъ членовъ. Но, взывая, они не бывають услышаны; ибо мѣшаетъ шумъ трубъ, пѣсни самовольныхъ пѣвцовъ и грохотъ сильнаго смѣха. Если же какъ нибудь бѣдные, посильнѣе постучать въ двери, дерзкій привратникъ немилостиваго господина, выскочивъ откуда нибудь, отгоняетъ ихъ палками, зоветъ безпощадныхъ собакъ, и бичами растрawляетъ

ихъ раны. И отходятъ други Христовы, о которыхъ прежде всего говорятъ заповѣди, не получивъ ни куска хлѣба, ни кушанья, съ однимъ прибыткомъ обидъ и ударовъ. Внутри же, гдѣ идетъ работа маммонѣ, — одни, какъ переполненные водою корабли, извергаютъ пищу, другіе засыпаютъ около стола, на которомъ стоятъ предъ ними стаканы. Двойной грѣхъ обитаетъ въ этомъ домѣ: одинъ—пресыщеніе упивающихся, другой—изгнаніе голодныхъ нищихъ.

Если Господь видитъ это (а Онъ конечно видитъ), то что, по вашему мнѣнію, послѣдуетъ за такую жизнь, — скажите вы, ненавистники нищихъ? Или не знаете, что ихъ ради священное Евангеліе провозглашаетъ и подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ всѣ сіи страшные и ужасные примѣры? Описанъ тамъ тяжело скрежещущій зубами и стонающій (богачъ), роскошествовавшій въ виссонѣ и содержимый въ безднѣ золь (Лук. 16, 19—31.). Другой опять, подобный сему, осужденъ на нечаянную смерть; вечеромъ онъ совѣщался объ утреней пищѣ, и не дожилъ до луча утреняго (Лук. 12, 16—21.). Не будемъ мертвы для вѣры, и безсмертны для наслажденія. А такого образа мыслей держимся мы, когда желаемъ всѣмъ жертвовать плотскому обольщенію, какъ домовладыки, венмѣющіе наслѣдниковъ, какъ постоянные господа на

земль, во время жатвы заботящіеся о посьвѣ, а во время посьва надѣющіеся порадоваться жатвѣ, сажающіе платанъ и ожидающіе тѣни высокаго дерева; сажающіе финиковое зерно и ожидающіе сладости плодовъ. И это часто бываетъ въ старости, когда близка зима смерти, а жизни остается не рядъ годовъ, а три или четыре дня!

Итакъ помыслимъ, какъ существа разумныя, что жизнь наша преходяща, что время текуче, непостоянно и не удержи-мо, какъ какой-нибудь рѣчной потокъ, который все, что ни попадетъ въ него, несетъ къ конечной гибели. И, о если бы, будучи краткою и скоропреходящею, жизнь была безотчетна! Но въ томъ состоитъ ежечасная опасность, что не только за дѣла, но и за слова произнесенныя нами, должны мы дать отвѣтъ предъ неподкупнымъ судилищемъ. Посему и блаженный Псалмопѣвецъ, имѣя въ мысли подобное сказанному нами нынѣ, желаетъ узнать срокъ своей кончины, и умоляетъ Бога сказать ему число остающихся дней, чтобы приготовиться къ обстоятельствамъ исхода, и не смутиться вдругъ, какъ неготовый путникъ, который во время самага путешествія ищетъ необходимыхъ для пути запасовъ. Онъ говоритъ: *скажи ми Господи кончину мою и число дней моихъ кое есть, да разумлю, что лишаюся азъ. Се пяди положилъ*

еси дни моя, и составъ мой яко ничтоже предъ Тобою (Пс. 38, 5. 6.). Смотри на благую заботу мудрой души, и при томъ въ царскомъ достоинствѣ. Ибо онъ представляетъ себѣ Царя царей и Судію судей, и заботится о томъ, чтобъ, снабдивъ себя прекраснымъ запасомъ исполненныхъ заповѣдей, отойти готовымъ гражданиномъ тамошней жизни, которой да достигнемъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О НИЩЕЛЮБИИ.

С Л О В О 2-е.

НА СЛОВА ЕВАНГЕЛІЯ: *понеже сотвористе единому сихъ*, и слѣдующія (Матѳ. 25, 40.).

Опять останавливаюсь предъ зрѣлищемъ страшнаго явленія Царя, которое начертываетъ Евангеліе! Опять потрясается душа, прислушиваясь къ страшнымъ словамъ! Она какъ бы видитъ нѣкоторымъ образомъ самаго Царя небеснаго, грозно сѣдящаго какъ говоритъ Писаніе (Матѳ. 25, 31.), *на престолъ славы*, и величественный оный престолъ, если только можетъ быть престолъ, дающій мѣсто Невмѣстимому, видитъ оныя безчисленныя тмы Ангеловъ, стоящихъ вокругъ Царя; видитъ и самаго великаго и грознаго Царя, отъ неизреченной славы склоняющаго взоръ на человѣческое естество и на всѣ поколѣнія людей, когда-либо бывшихъ, отъ начала до времени онаго страшнаго явленія, — Царя, собирающаго ихъ къ Себѣ, и по достоинству дѣлъ жизни каждому возвѣщающаго судъ: однимъ, кои въ жизни избирали то, что право, дарующаго

стояніе одесную, какъ сказано, а неправымъ и отверженнымъ опредѣляющаго жребій, со-
 отвѣтственный дѣламъ ихъ жизни; изрекаю-
 щаго тѣмъ оныя сладкія и благія слова:
приидите благословеніи Отца Моего (Матѳ. 25,
 34.), а этимъ ужасную и страшную угрозу:
идите проклятіи (ст. 41.). Страхъ прочитаннаго
 до того овладѣлъ моею душою, что умъ мой
 кажется вполне занять самымъ предметомъ, и не
 чувствуя ничего настоящаго, ни мало не имѣетъ
 досуга обращать вниманіе на что-либо другое,
 подлежащее изслѣдованію и разсмотрѣнію въ
 словѣ; хотя не маловажно и заслуживаетъ не
 малаго изысканія—узнать напимѣрь то, какъ
придетъ Вѣчно-сущій. *Се Азъ съ вами*, гово-
 ритъ, *есль во вся дни* (Матѳ. 28, 20.); если
 же, какъ вѣруемъ, Онъ съ нами *естъ*, то какъ
 возвѣщается, что Онъ *придетъ*, какъ бы не
 присущій нынѣ? Ибо, если, какъ говоритъ
 Апостоль, *въ Немъ живемъ и движемся и есмь*
 (Дѣян. 17, 28.), то для Обдержашаго все,
 нѣтъ никакого способа мѣстно отступить отъ
 тѣхъ, коихъ Онъ въ себѣ содержитъ, такъ
 чтобы или нынѣ не быть Ему присущимъ
 обдержимымъ Имъ, или ожидать послѣднихъ
 временъ, чтобы прійти. Опять: какой пре-
 столъ у Безплотнаго? Какое явленіе у Невидимаго?
 Какой образъ у Неописуемаго? Какъ
 можетъ быть изображенъ сѣдящимъ на пре-
 столѣ Невмѣстимый? Это и все подобное,

какъ излишнее для настоящаго времени, оставлю, а для общей пользы обращу, сколько могу, рѣчь на то, какимъ образомъ не попасть намъ въ число отверженныхъ. Ибо сильно, братія, сильно поразила меня угроза, и не отрицаю смущенія моей души. Желалъ бы, чтобы и вы не презрительно относились къ страху; ибо *блаженъ иже боится всѣхъ за благоговѣннѣ* (Притч. 28, 14.), а *иже презираетъ вещь, презрѣнъ будетъ отъ нея* (Притч. 13, 13.), говоритъ нѣгдѣ слово Премудрости. Итакъ, прежде чѣмъ наступитъ время бѣды, позаботимся, чтобы не испытать печалей.

Какимъ же образомъ освободиться отъ этихъ страшныхъ бѣдъ? Избрать тотъ путь жизни, который указало намъ нынѣ слово Божіе, — путь подлинно новый и живой. Какой это путь? *Взалакхся, возжаждахся, страненъ бѣхъ, и нагъ и болнз и въ темницѣ; понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 35—37. 40.); посему и говоритъ: *приидите благословенію Отца Моего* (ст. 35). Чему сіе научаетъ насъ? Тому, что благословеніе есть слѣдствіе соблюденія заповѣдей, а клятва — нерадѣнія въ соблюденіи заповѣдей. Возлюбимъ благословеніе, и бѣжимъ клятвы; ибо намъ предлежитъ свободно избрать или не избрать то или другое; къ чему съ усердіемъ будемъ стремиться, то и получимъ. Итакъ преклонимъ къ себѣ Господа

благословенія, Себѣ вмѣняющаго попеченіе наше о нуждающихся, особенно теперь, въ настоящее время, когда для сей заповѣди открывается обширное приложеніе. Много есть нуждающихся въ необходимомъ, многіе бѣдствуютъ и самымъ тѣломъ, бывъ изнурены злою болѣзнію. Итакъ, посредствомъ попеченія о нихъ, постараемся улучшить для себя благое обѣтованіе. Ясно же это говорю объ обезображенныхъ тяжкою болѣзнію; чѣмъ больше ихъ болѣзнь, тѣмъ очевидно больше и благословеніе тѣмъ, кои совершили трудъ, предписанный заповѣдію. Итакъ что же нужно дѣлать? Не идти противъ распоряженія Духа, а оно состоитъ въ томъ, чтобы не чуждаться имѣющихъ общее съ нами естество, и не подражать онымъ, осужденнымъ въ Евангеліи, — разумѣю священника и левита, не-сострадательно прошедшимъ мимо нуждающагося въ помощи несчастнаго, котораго, какъ говоритъ повѣствованіе, полумертвымъ оставили разбойники (Лук. 10, 30—37.). Если они виновны потому, что не обратили вниманія на раны, покрывающія нагое тѣло, то какъ останемся безвинными мы, подражающіе виновнымъ? Видишь человѣка отъ злой болѣзни получившаго видъ четвероногаго, вмѣсто копыта и когтей подвязавшаго къ ладонямъ деревяшки, отпечатлѣвающаго необыкновенный слѣдъ на человѣческихъ путяхъ. Кто бы

по этому слѣду призналъ, что этими оттисками означилъ свой путь человѣкъ? Человѣкъ, прямой по виду, взирающій на небо, получившій отъ природы руки, чтобы они служили его дѣламъ, — этотъ человѣкъ склоняется къ землѣ, становится четвероногимъ, и малаго только ему недостаетъ, чтобы стать безсловеснымъ. Отъ тяжелаго и прерывистаго дыханія, изъ его груди невольно слышится мычаніе, и онъ, осмѣлюсь сказать болѣе, дѣлается несчастіе самыхъ безсловесныхъ. Ибо эти, видъ полученный отъ рожденія по большей части сохраняютъ до конца, и ни одно изъ нихъ, отъ какого-либо подобнаго несчастія, не принимаетъ инаго вида. А здѣсь какъ будто перемѣнилась самая природа, является какое-то иное, а не то, которое привыкли видѣть, живое существо; руки у него замѣняютъ употребленіе ногъ, колѣна становятся ступнями; а естественныя ступни и лодыжки или совершенно отпадаютъ, или, подобно лодкамъ, снаружи прицѣпленнымъ къ кораблю, безцѣльно и какъ попало влачатся. Итакъ, видя человѣка въ такихъ обстоятельствахъ, ужели устыдишься родства съ нимъ, не выскажешь состраданія къ ближнему, но возгнушаешься несчастіемъ, и возненавидишь молящаго о помощи, убѣгая при приближеніи его, какъ отъ нападенія какаго звѣря? Однакожь ты долженъ бы благоразумно разсудить,

что прикасается же къ тебѣ, человѣку, ангелъ, и будучи безплотнымъ и невещественнымъ, не гнушается тобою, облеченнымъ плотію и кровію? Но что я говорю, ангелъ! Самъ Господь ангеловъ, Царь небеснаго блаженства, ради тебя сталъ человѣкомъ и возложилъ на Себя эту зловонную и грязную плотность, вмѣстѣ съ облеченною ею душею, дабы Своимъ прикосновеніемъ исцѣлить твои недуги. Ты же, будучи одного естества съ болящимъ, бѣжишь своего ближняго! Нѣтъ, братъ, да не увлекаетъ тебя злая воля. Познай, кто ты и надъ кѣмъ произносишь приговоръ. Надъ людьми,—ты человѣкъ, не имѣющій въ себѣ ничего особеннаго сверхъ общаго всѣмъ естества. Не предупреждай будущаго. Осуждая страданіе, являющееся пока въ чужомъ тѣлѣ, ты тѣмъ самымъ произносишь неограниченный приговоръ надъ всѣмъ человѣческимъ естествомъ. Но и ты, подобно всѣмъ, причастенъ сему естеству; и такъ дѣло касается общаго всѣмъ предмета.

Почему же никто изъ тѣхъ, кого ты видишь, не возбуждаетъ въ тебѣ сожалѣнія? Видишь скитающихся людей: подобно животнымъ, они разсѣялись для отысканія пищи. Рубища, какими владѣютъ,—ихъ одежда; палка въ рукахъ — это оружіе, это и опора, да и та не пальцами держится, но какими-то ремешками привязана къ ладонямъ. Дырявая ко-

томка и кусокъ хлѣба, испорченный плесенью и гнилью; эта котомка составляетъ для нихъ очагъ, домъ, подстилку, кровать, кладовую, столъ и все, что требуется для жизни. И ты не подумаешь, кто находится въ такомъ положеніи? Человѣкъ, созданный по образу Божию, которому назначено господствовать на землѣ, и имѣть подъ своею властію, для служенія себѣ, животныхъ. Но онъ дошелъ до такого несчастія и такъ измѣнился, что внѣшній видъ его возбуждаетъ недоумѣніе; онъ не носитъ на себѣ ясныхъ признаковъ ни настоящаго человѣка, ни другаго какого либо животнаго. Сравнишь ли его съ человѣкомъ?—но человѣческій образъ отрицается (подобнаго) безобразія. Обратишься ли съ сравненіемъ къ животнымъ?—но и они не допускаютъ подобія съ тѣмъ, что видимъ. Одни нищѣ съ одними собою только обращаются, собираются въ кучу другъ съ другомъ вслѣдствіе одинаковости страданія; составляя предметъ отвращенія для другихъ, они по необходимости не гнушаются другъ другомъ. Отовсюду изгоняемые, они стекаясь другъ къ другу, составляютъ особый народъ. Видишь ли нерадостныхъ пѣвцовъ, этотъ печальный и плачевный хоръ? Какъ они дѣлаютъ зрѣлище изъ своего безобразнаго тѣла, какъ бы какіе показыватели рѣдкостей, показываютъ собирающимся около нихъ многообразныя болѣзни? Поэты печальныхъ пѣсней,

пѣвцы оныхъ горькихъ пѣснопѣвій, слагатели новой и жалкой трагедіи, пользующіеся не чужими трагическими разсказами для изображенія страданій, но своими собственными бѣдами наполняющіе театральное представленіе! Какія изображенія! Какія повѣствованія! Какіе разсказы отъ нихъ слышимъ? Слышимъ, какъ они были отринуты родителями, безъ всякой вины; какъ отгоняютъ ихъ отъ общественныхъ собраній, праздниковъ и торжествъ, какъ бы какихъ челоуѣкоубійць или отцеубійць, осужденныхъ на вѣчное изгнаніе; они даже гораздо несчастнѣе сихъ послѣднихъ; потому что челоуѣкоубійцамъ по переселеніи въ другое мѣсто позволяютъ жить тамъ съ людьми, а тѣ одни только бываютъ гонимы всѣми повсюду, какъ какіе отъявленные всеобщіе враги; ихъ не считаютъ достойными ни одного крова, ни общей трапезы; имъ не дозволено употреблять тѣже сосуды. И это еще не довольно тяжело: даже источники, общіе для всѣхъ людей, не текутъ для нихъ; даже рѣки считаются привлекающими оскверненіе отъ ихъ болѣзни. Если собака своимъ кровожаднымъ языкомъ локаетъ воду, вода не считается отвратительною отъ (прикосновенія этаго) животнаго: если же приблизится къ водѣ больной, то и вода тотъ часъ объявляется негодною отъ этаго челоуѣка. Вотъ что разсказываютъ они, вотъ на что плачутся! По-

тому-то по необходимости бросаются эти жалкіе къ ногамъ людей, умоля всякаго встрѣчнаго. Часто плакалъ я при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, часто жаловался на самую природу, и теперь, при воспоминаніи о семъ, смущаюсь духомъ. Видѣлъ я жалостное страданіе, видѣлъ зрѣлище полное слезъ! На прохожихъ путяхъ лежатъ люди, лучше же сказать не люди, но жалкіе останки людей, имѣющіе нужду въ нѣкоторыхъ знакахъ и удостовѣреніяхъ, чтобы можно было повѣрить, что они были когда-то людьми. Въ нихъ нѣтъ тѣхъ естественныхъ признаковъ, по которымъ мы узнаемъ людей; они одни изъ всѣхъ ненавидятъ себя; одни проклинаютъ день своего рожденія и справедливо ненавидятъ этотъ день, положившій для нихъ начало такой жизни. Это люди, которые стыдятся и именовать себя этимъ, общимъ всѣмъ, названіемъ, чтобы употребленіемъ общаго имени, не оскорбить собою общаго естества. Вѣчно въ своей жизни бѣдствуя, они имѣютъ постоянный поводъ для плача. Какъ ни взглянуть на себя, всегда имѣютъ побужденіе плакать; недоумѣваютъ, какія части тѣла оплакивать, несуществующія уже, или оставшіяся; тѣ ли, которыя прежде истребила болѣзнь, или тѣ, кои остаются для болѣзни; плакать ли о томъ, что видятъ на себѣ все это, или о томъ, что даже и видѣть не могутъ, лишившись отъ страданій зрѣнія;

о томъ ли, что должны разсказывать о себѣ это, или же о томъ, что даже и разсказывать не имѣютъ силъ, потерявъ отъ болѣзни голосъ; о томъ ли, что питаются такою пищею, или о томъ, что даже и ею не могутъ удобно пользоваться, потому что болѣзнь, повредивъ окружающія уста части, препятствуетъ ѣсть; о томъ ли, что чувствами имѣютъ несчастіе ощущать въ себѣ то, что свойственно мертвецамъ, или о томъ, что лишились и самыхъ чувствъ. Ибо гдѣ у нихъ зрѣніе? Гдѣ обоняніе? Гдѣ осязаніе? Гдѣ прочіе органы чувствъ, которые съ постепеннымъ распространеніемъ болѣзни подаютъ гніеніе? Вотъ почему скитаются они по всѣмъ мѣстамъ подобно безсловеснымъ, переходя туда, гдѣ болѣе обилень кормъ, нося съ собою, какъ путевыя деньги для покупки пищи, несчастіе, и простирая всѣмъ свою болѣзнь вмѣсто просьбы. По причинѣ болѣзни имѣютъ нужду въ другихъ, которые вели бы ихъ, а по причинѣ скудости опираются другъ на друга; ибо будучи боленъ, каждый самъ по себѣ, служитъ опорой другому, и всѣ пользуются взаимно членами другъ друга въ замѣнъ недостающихъ. Не по одиночкѣ являются; но и несчастіе имѣетъ нѣкоторую мудрость, въ заботливости о жизни, — въ томъ, что они желаютъ, чтобъ ихъ видѣли вмѣстѣ другъ съ другомъ. Ибо, будучи и каждый самъ по себѣ жалокъ, они, чтобъ

болѣе возбудить состраданіе людей, слагають вмѣстѣ взаимныя страданія, внося каждый свою печальную долю въ общій запасъ, привлекая милосердіе каждый особымъ какимъ либо видомъ несчастія: одинъ простираетъ искалеченныя руки, другой показываетъ распухшее чрево, иной изуродованное лице, иной отгнившее бедро; въ какой части тѣла случится болѣзнь, ту обнажая и показываетъ.

Что же? Ужели, чтобы ни въ чемъ не погрѣшить противъ закона природы, достаточно только того, чтобы оплакивать эти страданія (нашей) природы, помогать болѣзни словами, и приходить въ состраданіе при воспоминаніи о ней? Или нужно для насъ и какое либо дѣло, которое бы доказывало наше сочувствіе и взаимную любовь? Ибо, что живописныя изображенія по отношенію къ дѣйствительнымъ предметамъ, то—слова, съ которыми не соединены дѣла. Не въ словахъ Господь полагаетъ спасеніе, но въ совершеніи дѣлъ спасенія (Лук. 6, 46 — 49.). Итакъ должно приняться намъ самимъ за исполненіе заповѣди относительно ихъ. И да не говоритъ кто либо, что достаточно доставлять пищу нищимъ, удаливъ ихъ куда нибудь далеко отъ нашего жительства, на какой либо крайній предѣлъ онаго; ибо такой образъ мыслей не доказываетъ нисколько милосердія и сочувствія, но есть только благовидный поводъ, совершенно исключить этихъ людей

изъ (круга) нашей жизни. Свиньямъ и собакамъ позволяемъ мы жить подъ одною съ нами кровлею; охотникъ часто не отказываетъ щенку въ своей постелѣ; земледѣлецъ и поцѣлуями даже умѣетъ приласкать тельца; но и это еще не все; путешественникъ собственными руками моетъ ноги осла, прилагаетъ руку, очищаетъ навозъ и заботится объ его ложѣ. Уже ли признаемъ безчестіе самыхъ безсловесныхъ однороднаго съ нами и ближняго? Нѣтъ, да не будетъ этого, братія. Да не падетъ такой приговоръ на людей. Должно вспомнить, кто мы, и надъ кѣмъ произносимъ судъ. Надъ людьми, мы люди, не имѣющіе предъ ними никакого особаго преимущества относительно общей съ ними природы. *Единъ входъ въ жизнь* (Прем. 7, 6.); одинъ для всѣхъ образъ жизни, пища и питье; однообразна жизнедѣятельность; одно устройство тѣла, и одинъ конецъ жизни. Все сложное приходитъ въ разрушеніе; ничто, составленное изъ частей, не прочно въ своемъ составѣ. Тѣло наше, на подобіе пузыря, на малое время облекаетъ нашъ духъ; за тѣмъ мы исчезаемъ, не оставивъ въ жизни никакого слѣда кратковременнаго пребыванія духа въ нашемъ тѣлѣ. Остается воспоминаніе на колоннахъ, камняхъ и въ надписяхъ; но и они не на вѣкъ достаточны. Помысливъ это о себѣ, *не высоко мудрствуй*, какъ говоритъ Павелъ, *но бойся* (Римл. 11, 20).

Неизвѣстно, не на себя ли самаго навлекаешь суровость закона. Бѣжишь больнаго; въ чемъ, скажи мнѣ, вина его? Въ томъ ли, что въ немъ испорчены влаги, и какой-то гнилостный сокъ отъ смѣшенія желчи со влагою, проникъ въ кровь? Такъ бываетъ, если послушать врачей, изслѣдующихъ свойства болѣзней. Но чѣмъ же преступенъ человѣкъ, если (наше) естество, будучи измѣнчивымъ и непостояннымъ, дошло до такого вида болѣзни? Не видишь ли ты, что и у здоровыхъ тѣломъ людей, иной, пользуясь добрымъ здоровьемъ во всемъ прочемъ, страдаетъ часто сынью или нарывомъ, или подобною болѣзнію, потому что во влагѣ въ извѣстной части тѣла возникъ жаръ болѣе надлежащаго, и отъ этаго происходитъ болѣзненное воспаленіе, краснота и нѣкоторое гнилостное разложеніе? Что же? Враждебно ли относимся къ оной части тѣла? Напротивъ, все, что здорово въ тѣлѣ, обращаемъ на помощь заболѣвшей части. И такъ болѣзнь не гнусна, ибо (въ противномъ случаѣ) и въ насъ самихъ, когда болѣзнь поразила бы одну часть, то части здоровыя чуждались бы служить болящей. Но какая же причина отдаляетъ насъ отъ таковыхъ больныхъ? Какая именно? Та, что мы не страшимся угрозы Сказавшаго: *идите отъ Мене въ огонь вѣчный; понеже не сотвористе единому сихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 41. 45.). Если бы они знали, что

все это такъ, то не такъ бы думали о болящихъ, что ихъ можно отталкивать отъ себя и почитать оскверненіемъ нашей жизни попеченіе о страждущихъ. И такъ если мы почитаемъ вѣрнымъ Возвѣстившаго, то должны приняться за исполненіе заповѣдей, безъ которыхъ невозможно удостоиться уповаемаго. Въ этомъ (несчастномъ) ты видишь предъ собою и странника, и нагаго, и нуждающагося въ пищѣ, и больнаго, и заключеннаго, и все, о чемъ говорится въ Евангеліи. Онъ ходитъ безпріютнымъ, и нагимъ, и нуждающимся въ необходимомъ, вслѣдствіе причиненной болѣзнію бѣдности. Кто не имѣетъ ничего своего изъ дому и не въ состояніи сдѣлаться наемникомъ, тотъ по необходимости совершенно лишень всего потребнаго для жизни. Онъ и узникъ, потому что окованъ болѣзнію. И такъ надъ нищими ты имѣешь возможность выполнить всю полноту заповѣдей, и чрезъ челоуѣколюбіе, оказанное имъ, сдѣлать должникомъ своимъ самаго Господа всяческихъ (Притч. 19, 17.). Зачѣмъ же возстаемъ противъ собственной жизни? Ибо не желать имѣть своимъ сожителемъ Бога всяческихъ—значитъ не иное что, какъ быть нѣкоторымъ злодѣемъ для самаго себя. Какъ чрезъ соблюденіе заповѣди челоуѣкъ водворяется съ Богомъ, такъ чрезъ жестокосердіе отдаляется отъ Него. *Возмите, говоритъ, что Моё на себе* (Матѣ. 11, 29.); игомъ

же называетъ исполненіе заповѣдей. Послушаемъ Повелѣвающаго, станемъ подъяремными Христу, надѣвъ на себя иго любви. Не станемъ сбрасывать таковое иго; оно *благо*; оно *леко*; оно не третъ выи подклонившаго, но гладить ее. Посѣмъ *о благословеніи*, какъ говоритъ апостоль, чтобы и пожать *о благословеніи* (2 Кор. 9, 6.). Многоплодный колосъ произрастетъ изъ такого сѣянія. Обилень посѣвъ заповѣдей Господнихъ; высоки произрастенія благословенія.

Хочешь ли узнать, до какой высоты простирается ростъ сихъ произрастеній? Онъ касается самыхъ высотъ небесныхъ. Ибо что ни сдѣлаешь для нихъ, того найдешь плодъ въ сокровищницахъ небесныхъ. Не будь недовѣрчивъ къ сказанному; не думай, что можно удобно пренебрегать ихъ дружбою. Рука изувѣчена, но она сильна подать тебѣ помощь; нога не годна, но не препятствуетъ имъ востекать къ Богу; глазъ утраченъ, но они видятъ душою незримыя блага. Итакъ не презирай безобразіе тѣла. Подожди немного, и увидишь то, что невѣроятнѣе всякаго чуда. Ибо что свойственно текучему естеству, то не навсегда останется такимъ: но когда душа освободится отъ сплетенія съ тлѣннымъ и земнымъ, тогда возсіяетъ собственною красотою. Доказательство же сему то, что послѣ сей жизни не возгнушался рукою нишаго

онѣй роскошный богачъ, но прося, чтобы пораженный нѣкогда гніеніемъ палець бѣднаго, услужилъ ему каплею воды, желалъ самымъ языкомъ облизать влагу, оставшуюся на пальцѣ нищаго (Лук. 16, 19—25.), но онъ конечно не пожелалъ бы сего, еслибъ что нибудь отвратительное усматривалъ и въ чертахъ души, какъ нѣкогда въ тѣлѣ. Сколько, по всей вѣроятности, было напрасныхъ сожалѣній о прошломъ у богача въ этой измѣнившейся жизни! Какимъ счастіемъ почиталъ онъ несчастіе нищаго въ этой жизни! Какъ порицалъ свой жребій, какъ будто онъ удѣленъ былъ богатому на гибель души! А если бы можно было ожить, то въ числѣ какихъ людей онъ пожелалъ бы снова быть? Въ числѣ ли благоденствующихъ въ этой жизни, или въ числѣ несчастныхъ? Нельзя не видѣть, что предпочелъ бы жребій несчастныхъ; ибо просить, чтобы кто либо изъ мертвыхъ былъ посланъ вѣстникомъ къ братьямъ, дабы и они, заразившись надмѣнностію богатства, скользя по гладкому пути удовольствія въ плотскихъ наслажденіяхъ, не унеслись въ адскую пропасть. Итакъ почему не умудряемся подобными повѣствованіями? Почему не упражняемся въ оной прекрасной куплѣ, которую совѣтуетъ намъ Апостоль: *ваше избыточествіе*, говоритъ онъ, *во оныхъ лишеніе* (2 Кор. 8, 14.), дабы избытокъ ихъ облегченія въ жизни, послѣдующей за

сею, былъ достаточень и вамъ для спасенія. И такъ если хотимъ получить нѣчто полезное тамъ, то предварительно доставимъ (потребное имъ здѣсь); если желаемъ получить ослабу послѣ сей жизни, упокоимъ ихъ теперь; если желаемъ, чтобы они приняли насъ въ *вѣчныя кровы* (Лук. 16, 9.), примемъ ихъ въ наши. Если желаемъ, чтобы они уврачевали язвы нашихъ грѣховъ, то и мы сами должны сдѣлать тоже по отношенію къ тѣламъ, удручаемыхъ болѣзнію: *блажени милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ* (Матѳ. 5, 7.).

Но, быть можетъ, скажетъ кто: заповѣдь хороша для послѣдующаго времени, но въ настоящее должно беречься передачи и сообщенія болѣзни, и посему, чтобы не потерпѣть чего либо нежелаемаго нами, должно, какъ думаютъ, стараться избѣгать приближенія къ больнымъ. Это одни слова, предлоги, вымыслы, благовидныя нѣкія прикрытія для нерадѣнія о заповѣдяхъ Божіихъ. Но на самомъ дѣлѣ не такъ; никакого нѣтъ страха въ исполненіи заповѣди. Никто зломъ да не врачуетъ зло. Сколько можно видѣть людей, кои отъ юности до старости посвятили себя служенію нищимъ; и это попеченіе ни сколько не повредило естественному благосостоянію ихъ тѣла! Да и невѣроятно быть тому. Хотя нѣкоторыя болѣзни, какъ-то наносныя заразы и тому подобныя, зависящія отъ внѣшнихъ

причинъ, происходящія отъ испорченности воздуха или воды, кажутся многимъ опасными и переходящими отъ прежде зараженныхъ къ тѣмъ, кои приближаются къ нимъ, но я не думаю, чтобъ и тамъ болѣзнь производила такую же болѣзнь въ здоровомъ, посредствомъ передачи; причина, почему болѣзнь отъ прежде зараженныхъ переходитъ и къ прочимъ, заключается въ общемъ повѣтріи, которое производитъ сходныя болѣзни. Здѣсь же, поелику образованіе такой болѣзни зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, и подвергается челоуѣкъ порчѣ крови отъ измѣненія въ нее вредныхъ соковъ; то болѣзнь и ограничивается болящимъ. А что это такъ, можно узнать и изъ слѣдующаго. Сближеніе людей крѣпкихъ здоровьемъ съ больными сообщаетъ ли послѣднимъ лучшее здоровье, хотя бы тѣ и очень прилѣжно занимались уходомъ за ними? Нѣтъ, этого не бываетъ. Посему съ вѣроятностію можно заключить и обратно, что отъ больныхъ болѣзнь не переходитъ къ здоровымъ. Итакъ если такую приносить пользу исполненіе заповѣдей, что чрезъ оное уготовляется намъ царство небесное, а вреда для тѣла пекущихся о больныхъ не происходитъ никакого; то какое наконецъ есть еще препятствіе къ исполненію заповѣди любви?

Но трудно, говоришь, побѣдить естественное отвращеніе, какое возбуждается во многихъ

при такомъ зрѣлищѣ? Хорошо; соглашаюсь съ твоими словами, что трудно. Но на что же другое, изъ того, что совершается по добродѣтели, укажешь какъ на нетрудное? Много пота и труда предписалъ законъ для достиженія уповаемаго на небѣ, и не легкій путь къ жизни вѣчной указалъ людямъ, отовсюду стѣснивъ оный трудными и суровыми подвигами жизни; узокъ и тѣсенъ путь *вводяи въ животъ*, говоритъ писаніе (Мѡ. 7, 14.). Что же? Должны ли мы пренебrecь оною надеждою благъ, потому что ихъ стяжать легко нельзя? Спросимъ у юности, не труднымъ ли для нея кажется цѣломудріе, и не гораздо ли желательнѣе вмѣсто воздержнаго образа жизни, безстыдно предаться чувственнымъ влеченіямъ? Не ужели же поэтому, мы станемъ держаться того, что пріятно и легко, а колебаться избрать суровость добродѣтели? Не это предполагаетъ Законодатель жизни, возбранившій идти въ жизни путемъ широкимъ, покатымъ и пространнымъ; ибо *внидите*, говоритъ, *путемъ узкимъ и тѣснымъ* (Матѡ. 7, 14.). Итакъ и здѣсь, однимъ изъ дѣлъ совершаемыхъ посредствомъ труда, мы должны почитать и то, чтобы ввести въ привычку исполненіе заповѣди, которой чуждается наша природа, и естественное отвращеніе здоровыхъ уврачевать постоянствомъ упражненія въ дѣлѣ. Ибо сильна привычка, и чрезъ постоянное упражненіе доставляетъ вѣ-

которое удовольствіе при исполненіи того, что кажется неприятнымъ. И такъ да nebudeтъ рѣчи о томъ, трудно ли дѣло, которое должно исполнить, но о томъ, полезно ли оно для совершающихъ. И если польза отъ него велика, то ради пользы должно не обращать вниманія на трудность; трудное въ началѣ, со временемъ, силою привычки сдѣлается пріятнымъ. Должно также къ сказанному нами присовокупить и то, что, даже въ самой этой жизни, сочувствіе къ несчастнымъ полезно для здоровыхъ. Ибо, для всѣхъ благоразумныхъ, милосердіе есть прекрасный залогъ, который мы ввѣряемъ другимъ при ихъ несчастіяхъ. Поелику одна природа управляетъ всѣмъ человѣчествомъ, и никто не имѣетъ прочнаго какого либо ручательства въ постоянствѣ своего благополучія, то постоянно должно помнить евангельское увѣщаніе, которое совѣтуетъ: *елика аще* хотимъ *да творятъ* намъ *человѣцы*, то творить и имъ (Мтѣ. 7, 12.). И такъ пока благополучно плаваешь, простирай руку потерпѣвшему крушеніе; одно для всѣхъ море, одни бури, одни мятущіяся волны; подводные камни, утесы, скалы и прочія опасности житейскаго мореплаванія одинаково страшатъ плавателей. Пока ты не страдаешь, пока безопасно переплываешь море жизни, не проходи немилосердно мимо потерпѣвшаго крушеніе. Кто порукою тебѣ въ постоянствѣ благопо-

лучнаго плаванія? Ты не достигъ еще пристани успокоенія. Жизнь твоя еще не дошла до берега; еще ты носишься по морю жизни. Какимъ выкажешь себя къ потерпѣвшему несчастію, такими готовишь себѣ и спутниковъ твоего плаванія. Да устремимся всѣ мы къ пристани упокоенія, благополучно направляемые въ подлежащемъ намъ житейскомъ плаваніи, Духомъ Святымъ! Да будетъ присуще намъ дѣланіе заповѣдей и кормило любви! Вѣрно направляемые ими, мы достигнемъ земли обѣтованной, гдѣ находится великій градъ, котораго художникъ и зиждитель есть Богъ нашъ, Коему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРОТИВЪ ОТЛАГАЮЩИХЪ КРЕЩЕНІЕ.

Цари сего міра, когда напишутъ законы, предписывающіе добрыя правила для жизни людей, вручая оныя начальникамъ, приказываютъ имъ обнародовать подданнымъ, чтобы такимъ образомъ узаконенное сохранялось ненарушимо. И великій Богъ далъ законы предстоятелямъ церквей, которые, предлагая каждый годъ въ опредѣленные времена, читаемъ вамъ и повелѣваемъ написанное хранить по возможности. Итакъ, вотъ благій распорядитель всяческихъ, возвращающій годы и управляющій кругомъ времени, привелъ спасительный день, въ который мы обыкновенно призываемъ къ всыновленію чуждыхъ, бѣдныхъ къ причастію благодати, оскверненныхъ прегрѣшеніями къ очищенію грѣховъ. И это есть та древняя проповѣдь, которая не за долго предварила явленіе Спасителя: *гласъ вопіющаго въ пустыни; уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Матѳ. 3, 3.). Хотя я и не Іоаннъ и не Давидъ, но ничтож-

ность служителя да не повредитъ силѣ закона Господня; ибо не по уваженію къ чтецамъ закона мы повинуемся предписанному; но боясь власти законодателя подчиняемся приказаніямъ. Пришла милость царская, дающая облегченіе двумъ родамъ скорбящихъ: окованнымъ разрѣшеніе, должникамъ прощеніе. Посему и я тѣмъ и другимъ, соотвѣтственное каждому предлагаю врачевство и съ полною увѣренностію обѣщаю помощь отъ врачеванія.

А чтобы не подумалъ кто либо, что дорого врачевство, я напередъ скажу о тѣхъ лекарствахъ, которыя буду употреблять для больныхъ. Однимъ я обѣщаю здравіе при посредствѣ воды и купели; у другихъ уничтожу болѣзнь при помощи нѣсколькихъ слезъ. Просто совершеніе дѣла, и Богомъ ниспосланъ даръ, и великъ по истинѣ успѣхъ безъ прижиганія и сѣченія освободиться отъ застарѣлыхъ ранъ, которыми тяжело страдаемъ отъ уязвленія зміинаго. Итакъ, идите страждущіе къ своему уврачеванію, и не будьте нерадивы къ сему дѣлу. Болѣзнь застарѣвшаяся и долговременная не уступаетъ врачебному искусству. Убогіе и бѣдные спѣшите къ раздачѣ царскихъ дарованій, овцы — къ печати и знаменію креста, избавляющему отъ золь. Дайте мнѣ имена, чтобы я внесъ ихъ въ видимыя книги и записалъ чернилами, а Богъ означитъ ихъ на негиблющихъ дскахъ, напи-

савъ Своимъ перстомъ, какъ нѣкогда законъ для евреевъ.

Приступите къ Нему и просвѣтитесь и лица ваша не постыдятся (Пс. 33, 6.). *Измыйтесь, отилмите грѣхи ваши* (Иса. 1, 16.). Сіе написано за долго прежде, но не обветшала сила писанія, но возрастаетъ и съ каждымъ днемъ усиливается. Выходите изъ темницы, прошу васъ. Возненавидьте темныя жилища грѣха. Бѣгите діавола, какъ жестокаго стража темничнаго, питающагося несчастіемъ грѣшныхъ и извлекающаго изъ того выгоду. Ибо какъ Богъ утѣшается правдами нашими, такъ виновникъ грѣха радуется паденіямъ нашимъ. Виѣ рая находишься ты оглашенный, раздѣляя изгнаніе Адама прародителя нашего. Но теперь отворена тебѣ дверь; взойди, откуда ты вышелъ, не медли, чтобы смерть постигнувъ тебя, не преградила входа. Голова уже сѣдѣетъ, близка жатва жизни, можетъ быть серпъ точится противъ насъ, и я боюсь, чтобы тогда, какъ спимъ мы и въ суетѣ праздно проводимъ время, не пришелъ нечаянно грозный жнецъ. Но я юноша, говоришь ты; еще не состарѣлся. Не обманывайся. Смерть не стѣсняется условіями возраста, она не боится находящихся въ цвѣтѣ лѣтъ; не надъ стариками только имѣетъ власть. Тебя научаетъ этому ежедневный опытъ. Видишь одръ, на которомъ выносятъ умершихъ;

какъ не равно и какъ случайно, онъ износитъ людей всякаго возраста, нынѣ старика, завтра нѣжнаго и радостнаго отрока, немного спустя человѣка, у котораго едва показывается пухъ на бородѣ, потомъ сильнаго и цвѣтущаго, тотчасъ же престарѣлую, вмѣстѣ съ нею и дѣвицу. Видя это, будемъ беречься безстрашія. Не много нужно, чтобы мѣхъ, наполненный воздухомъ, лишился его; немного откроется ротъ, и человѣку не трудно вдругъ испустить духъ.

Вижу я, что когда случится въ мірѣ землетрясеніе или язва или нашествіе враговъ, всѣ спѣшатъ усердно къ крещальцѣ, чтобы не отойти изъ міра непричастными благодати. Что же? Развѣ не имѣютъ силы, равной онимъ бѣдствіямъ, другія различныя и неожиданныя несчастія: апоплексія, удары, нечаянныя удушія, возмущенія вѣтровъ, и ихъ слѣдствія? Не видимъ ли, какъ иной бесѣдуетъ и падаетъ, другой ѣстъ и совсѣмъ перестаетъ принимать пищу, иной спитъ и незамѣтнымъ образомъ переходитъ къ смерти, сестрѣ сна? Обезопась же себя отъ непостоянства и неизвѣстности жизни. Не торгуйся съ благодатию, чтобы не лишиться дара. Столько бери въ заемъ, сколько можетъ быть прощено, сколько не превыситъ челоуѣколюбія Царя. И земные властители, когда уличать кого либо въ чрезмѣрномъ расточеніи общественнаго имуще-

ства и ненасытномъ пользованіи царскими деньгами, не отчаяваясь въ возвращеніи ихъ, жестоко наказываютъ (расточителя), довольствуясь вмѣсто денегъ наказаніями. Много времени ты предавался удовольствію; дай мѣсто и любомудрію. Скинь ветхаго человѣка, какъ одежду нечистую, постыдную, позорную, сотканную изъ множества грѣховъ, связанную изъ жалкихъ лохмотьевъ беззаконія. Прими одѣяніе безсмертія, которое Христось распростерши предлагаетъ тебѣ; и не отвергай дара, чтобы не оскорбить Того, Кто дарить. Долго ты валялся въ грязи; спѣши, о человѣкъ, къ моему Иордану; не Іоаннь зоветъ тебя, но Христось убѣждаетъ. Ибо повсюду течетъ рѣка благодати; не въ Палестинѣ имѣетъ она истокъ свой и не скрывается въ сосѣднемъ морѣ, но обтекаетъ всю вселенную и впадаетъ въ рай, на встрѣчу оныхъ четырехъ оттуда вытекающихъ рѣкъ, внося въ рай несравненно драгоцѣннѣйшее, нежели что онѣ износили. Ибо тѣ несутъ ароматы, плодоносіе, растительность земли; а эта вноситъ (въ рай) людей, порожденныхъ Духомъ. Куда ни поведешь (сію рѣку), туда и потечетъ; изливается на всю вселенную и не истощается, раздѣляясь на каналы. Ибо имѣетъ богатый источникъ—Христа, и отъ Него истекая, омываетъ волнами весь міръ. Сладка она и удобопіема, безъ всякой примѣси неприятной соле-

ности (ибо дѣлается сладкою отъ сошествія Духа, какъ источникъ Мерра, отъ прикосновенія дерева. Исх. 15, 23.); удобопреходима для благочестивыхъ, а глубока и недоступна для нечистыхъ. Подражай Иисусу Навину, возьми Евангеліе, какъ онъ кивотъ завѣта; оставь пустыню грѣха, перейди Иорданъ, спѣши къ жительству по Христу, въ землю обильную радостными плодами, и текущую, по обѣтованію, медомъ и млекою. Разрушь Іерихонъ, старый образъ жизни, не оставляя его твердыни, до основанія разрушь мать грѣховныхъ помысловъ. Сдѣлай лукавыхъ гавоонитянъ рабами израиля, то есть, лукавыя помышленія слугами евангельской жизни. Да побіется камнями коварный и любостязательный Ахаръ, похитившій сосудъ золотой; это тотъ, кто нарушилъ сохраненіе честной заповѣди. Все это образъ для насъ; все это предзнаменованіе вещей нынѣ являющихся.

Выпусти наконецъ отъ себя прозорливаго ворона (Быт. 8, 6. 7.); дай время прилетѣть къ тебѣ голубю, котораго Иисусъ первый образно низвелъ съ неба (Матѣ. 3, 15.), голубя незнающаго лукавства, кроткаго, многоплоднаго, который, когда найдетъ мужа очищеннаго, какъ огнище, хорошо приготовленное, вселяется въ него, согрѣваетъ душу какъ бы насиживая яйца, раждаетъ многихъ и прекрасныхъ чадъ, то есть добрыя дѣла, честныя

мысли, вѣру, благочестіе, правду, цѣломудріе, непорочность, чистоту; таковы чада Духа, а наши стяжанія. Доколѣ ты будешь изучать первыя начала (вѣры)? Открой твою душу, какъ хартію, и дозвожь намъ начертать совершенное ученіе; не все тебѣ лепетать съ дѣтьми; не будь младенецъ смысломъ. Стыжусь за тебя, что состарѣвшись уже, ты бываешь изгоняемъ съ оглашенными, какъ дитя неразумное и неспособное сохранить тайну, которую намѣрены возвѣстити. Присоединись къ посвященнымъ въ таинства людямъ и узнай сокровенныя рѣчи. Произнеси съ нами то, что и шестокрылатые Серафимы говорятъ, воспѣвая съ совершенными христіанами. Возжелай пищи укрѣпляющей душу; вкуси питіе веселящее сердце; возлюби таинство, старыхъ незримо возвращающее къ молодости. Подражай пламенному желанію еѳіонскаго внуха; ибо онъ, послѣ того, какъ принялъ въ спутники на колесницу Филиппа приведеннаго Духомъ, во время пути научился не только читать, но и понимать мудраго Исаію; и при помощи толкованія, какъ добрый ловчій песь, почувавъ кровь и закланнаго агнца, началъ сильно лаять на Филиппа, пока тотъ не привелъ его къ совершенной ловитвѣ пророчества находившагося въ рукахъ его; возжелавъ, тотчасъ же получилъ крещеніе, не выжидая гостиницы, не дожидаясь города или деревни или

мѣста священнаго. Справедливо разсуждалъ онъ, что всякое мѣсто есть Господнее, и всякая вода годна для совершенія крещенія, только бы нашлась вѣра у приѣмлющаго, и благословеніе освящающаго іерея. Замедленіемъ не раздражи крестителя, не прогнѣвай его, отлагая со дня на день и тратя въ обѣщаніяхъ скоротекущее время. Смотри, чтобы тебя не постигли порицанія, подобныя Іоанновымъ, чтобы и тебя не назвали порожденіемъ эхидны (Матѣ. 3, 7.) и аспидомъ глумимъ, который приходитъ въ ярость отъ гласа обавающаго (Ис. 57, 5.), чтобы и тебѣ не показали сѣкиру изощренную и сверкающую, лежащую при деревѣ и угрожающую посѣченіемъ (Матѣ. 3, 10.). При выборѣ изъ двухъ золъ, лучше удостоившись спасительнаго крещенія впасть опять въ грѣхъ, нежели кончить жизнь непричастнымъ благодати. Ибо грѣхъ, можетъ быть, получить и прощеніе по чловѣколюбію Божію, на которое великая надежда у добрыхъ, а тому совершенно недоступно спасеніе по точному опредѣленію. Ибо когда слышу, что неложный голосъ говорить: *аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится* свыше, не можетъ видѣти царствія Божія (Іоан. 3, 5.). то ничего не могу ожидать добраго для неомытыхъ водою крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, какого снисхожденія заслуживаютъ тѣ, которые пренебрегли ми-

лостію царскою, не приняли прощенія долговъ, и не воздали благодарности за свободу, усвоивъ ее, когда она добровольно нисходила къ нимъ съ неба, но презрѣніемъ дара нанесли безчестіе Даровавшему? Душу не просвѣщенную и не украшенную благодатію возрожденія, не знаю, примутъ ли Ангелы послѣ разлученія ея отъ тѣла. И какъ это можетъ быть, когда она незапечатлѣна, и не носитъ никакого знака Владычняго? Естественно, она будетъ кружиться въ воздухѣ, блуждая, носясь туда и сюда, никѣмъ не взысканная, какъ не имѣющая господина, желающая успокоенія и приюта и не находящая, тщетно скорбящая, бесплодно раскаявающаяся, подобно богачу, который, облачаясь въ порфиру и виссонъ, во всякаго рода наслажденійхъ и роскошной жизни готовитъ вещество для неугасимаго огня.

Но я хочу вамъ рассказать нѣкоторую повѣсть о человѣкѣ несчастномъ, лишившемся великой надежды и искавшемъ воды въ безводное время. Недавно, когда нашествіе кочующихъ скифовъ опустошало многія страны съ жителями, въ сосѣднемъ городѣ Команыхъ въ то время, какъ варвары грабили предмѣстья, одинъ юноша благороднаго рода именемъ Архій, котораго и я хорошо зналъ, скорбя о своихъ и общихъ отечества бѣдствіяхъ вышелъ изъ города и крѣпости, чтобы разсмотрѣть

рѣть вѣрно, сколько грабителей, варваровъ, и сколько сдѣлано ими зла, но попавшись врагамъ былъ пораженъ стрѣлою. Упавъ и приближаясь къ смерти, сколько было силы, онъ кричалъ (такъ какъ былъ не крещенъ), «горы и дѣса крестите, деревья, камни, источники, дайте благодать»,—и съ этими жалостными воплями скончался. Городъ, узнавъ о семъ, скорбѣлъ болѣе, нежели о бѣдствіяхъ причиненныхъ войною. Подобны сему и тѣ, которые печально постигаются болѣзнями. Ибо, когда вчера здоровый и общающій себѣ долгіе годы жизни испытаетъ участь древняго безумца (Лук. 12, 20.), и ему безнадежно будетъ сказано, что въ сію ночь душа твоя разрѣшится отъ тѣла, тогда крикъ и вопль; все требуется какъ возможно скорѣе, сосудъ, вода, священникъ, слово приготовляющее къ принятію благодати, котораго требуется нужда, но болѣзнь прерываетъ, дѣлая сильнымъ и частымъ дыханіе. Произходитъ смятеніе не меньше производимаго столкновеніемъ на войнѣ; всѣ домашніе, встрѣчаясь другъ съ другомъ, мечутся, вездѣ давка, смятеніе, печальный и невнятный шумъ, какъ бы во время ночной битвы; сталкиваются другъ съ другомъ рабы, родные, друзья, дѣти, жена. Итакъ, пока время мира, устроимъ благоразумно наши дѣла; во время тишины и мира жизни примите даръ Христовъ, когда и

получающій высокое и несравнимое благодѣяніе съ удовольствіемъ включается въ списокъ усыновляемыхъ, и всѣ знаемыя его отъ перемѣны на лучшее получаютъ неизреченную радость и веселіе.

Но боюсь, говоришь ты, что естество наше склонно ко грѣху, и посему медлю приступить къ благодати возрожденія. Хотя благовиденъ предлогъ твоего страха, и хорошо ты прикрываешь себя покровомъ осторожности, но короткій вопросъ тебѣ предложенный легко скинетъ съ тебя личину. Ты говоришь, что остаешься оглашеннымъ, боясь грѣха; скажи же, какою ты живешь жизнью: не подлежащею осужденію, жизнью безгрѣшною, или во грѣхахъ? Если безгрѣшною, то почему боишься крещенія, и до него сохраняя предписанную закономъ правильность жизни? Если же у тебя не чиста и не внимательна жизнь то зачѣмъ медлишь въ беззаконіяхъ и долгимъ упражненіемъ приобрѣтаешь навѣкъ злѣ? Ясно, что ты ожидаешь послѣдняго вздоха, что бы съ принятіемъ крещенія въ послѣдній часъ окончилась жизнь. Это новая и странная торговля, не золотомъ и одеждами, но множествомъ беззаконій, мелочное барышничество очищеніемъ души. Какъ свиньи переходятъ изъ лужи въ лужу, и грязь служитъ жилищемъ для нихъ; такъ сжившіеся съ нечистотою прибавляютъ одно беззаконіе къ дру-

гому, ибо или оскверняются блудомъ, или изощряются въ гнусномъ прелюбодѣяннѣ, или предаются пьянству, возбуждающему злыя пожеланія, или дѣлаютъ сродные симъ и сходныя грѣхи. Они боятся крещенія, какъ запрещенія удовольствій и удержанія отъ гнусныхъ наслажденій. Итакъ, когда выставлющій предлогомъ замедленія крещенія грѣхи говоритъ, что боюсь; то ясно, что онъ не грѣха остерегается, но желаетъ долѣе оставаться въ грѣховной жизни. А имѣющіе въ глубинѣ души такую худую мысль во первыхъ и не удостоиваются благодати, но обманывая себя суетными надеждами, неожиданно поемлются смертію, застигающею тихо и нечаянно, какъ коварный тать. Но если Богъ, по великому Своему долготерпѣнію и благости, и удостоитъ любителя грѣха, таинствъ въ послѣдній день, они не получаютъ отъ этого торга столько выгоды, сколько думаютъ. Думаютъ, что для нихъ тотчасъ же отверзется царство небесное; что они улучатъ нѣкое жилище изобильное дивными благами, и удостоятся почестей наравнѣ съ праведными. Но это—суетная надежда обольщающая душу ложнымъ мнѣніемъ. Какъ мнѣ кажется, судьба людей въ будущей жизни будетъ тройкая, говоря вообще безъ подраздѣленій. Первый чинъ достойныхъ хвалы и праведныхъ; второй — и не удостоиваемыхъ почести и не наказуемыхъ; третій—несущихъ

наказанія за грѣхи свои. Гдѣ мы поставимъ принявшихъ благодѣяніе крещенія предъ смертію? Ясно, что въ разрядъ вторыхъ, и это по снисхожденію, чтобы и они не лишены были части въ человѣколюбіи, свойственномъ Богу. Ибо верадѣвшій о пути преуспѣянія въ добродѣтели не свободенъ отъ наказанія и осужденія, потому что если желаніе зла подвергаетъ осужденію, то ненавидѣніе добра есть явный признакъ испорченности. Итакъ, что ты пріобрѣтешь великаго, когда лишишься царствія и тѣхъ обѣтованій, которыхъ око не видало, и ухо не слыхало? Но я не терплю наказанія, говоришь ты, не страшусь угрозъ; съ меня достаточно, если не потерплю чего либо худаго, хотя и не окажусь преуспѣвшимъ въ чемъ либо благородномъ. Это образъ мыслей лукаваго раба, стоящаго осужденія на тяжкую работу, узъ, бичей, который старается только избѣгнуть наказанія и ни во что ставить наслажденіе свободою славою и почестями свѣтлыми. Такимъ людямъ непріязненъ самый голосъ всѣхъ святыхъ, противны дѣянія праведныхъ отъ начала міра. Они всѣ не боязненно любили опасности, давали желающимъ разсѣкать и умерщвлять различнымъ образомъ тѣло, и при всякихъ мученіяхъ не ослабѣвали въ подвигѣ, ожидая въ царствѣ небесномъ чести за кровь и мужество. Ради сего Авраамъ, получивъ повѣленіе, приносилъ

въ жертву своего сына, Моисей боролся съ трудностями пустыни, Илія проводилъ пустынную и полную лишеній жизнь; и всѣ пророки *приидоша въ милотъхъ и козїихъ кожахъ, лишени, скорбляще, озлоблени* (Евр. 11, 37.). Ради сей чести благовѣстники терпѣли раны за Евангеліе и мученики подвизались противъ казней отъ мучителей. И каждый истинно разумный, носящій въ себѣ образъ Божій и сочувствующій высокому и небесному, не захотѣлъ бы ни жить, ни воскреснуть вмѣстѣ съ прочими имѣющими ожить людьми, если бы не надѣялся заслужить похвалу отъ Бога, какъ добрый рабъ, и удостоиться какихъ либо почестей. При семъ образѣ мыслей и Давидъ собственное свое стремленіе къ Богу уподобляетъ жаждѣ еленя и желаетъ видѣть лице Божіе, чтобы возвеселиться въ мысленныхъ объятіяхъ (Пс. 41, 1. 2.); и Павелъ желаетъ, совлекшись плоти, какъ тяжелой и обременительной одежды, *разрѣшиться и со Христомъ быти* (Филип. 1, 23.). Конечно оба они имѣли въ виду блаженное и неизмѣняемое веселіе. Если же къ нему нѣтъ никакого влеченія, то все прочее по истинѣ, какъ говоритъ Екклезіастъ, *суета суетствій* (Еккл. 1, 2).

Итакъ, христіане, причастники званія небеснаго, бѣгайте всякой подобной мысли достойной разбойниковъ и злодѣевъ и не считайте верхомъ блаженства возможность избѣжать на-

казаній; но возжелѣвайте даровъ и вѣнцевъ, которые Богъ уготовалъ подвижникамъ правды. Безъ лукавства пожелайте крещенія, примите талантъ и употребите его въ дѣло, и такимъ образомъ будете по слову притчи начальниками десяти городовъ (Лук. 19, 17.). А умершій въ минуту крещенія скрылъ талантъ въ землю и непременно услышитъ то, что сказано было рабу лукавому и лѣнивому (Матѳ. 25, 26.). Новопросвѣщенный, если къ вѣрѣ не присоединитъ храненіе заповѣди, по истинѣ не болѣе какъ только не виновный. Былъ онъ узникомъ, повивнымъ безчисленнымъ винамъ, страшился суда, трепеталъ времени отвѣта. Явилось вдругъ челоѡколюбіе царя; Онъ отверзъ темницу, выпустилъ на свободу злыхъ. Воспоемъ и поклонимся даровавшему благодать, ибо Онъ по изобилію благодати спасъ нечаявшихъ жизни. А помилованный да знаетъ себя, и да ведетъ себя смиренно. Пусть не думаетъ, что онъ сдѣлалъ что нибудь доброе, потому что онъ освобожденъ отъ узъ. Оставленіе вины свидѣтельствуешь о милосердіи простившаго, а не о добромъ поведеніи прощеннаго. Пріавшій баню накинутаго подобенъ молодому воину, только что внесенному въ воинскіе списки, но еще ничего не выказавшему воинственнаго или мужественнаго. Какъ онъ, повязавши поясъ и облекшись хламидою, не считаетъ себя тотчасъ же храбрымъ, и

подходя къ царю не разговариваетъ съ нимъ дерзновенно, какъ знакомый, и не просить милостей раздаваемыхъ трудившимся и подвижавшимся: такъ и ты, получивъ благодать, не думай обитать вмѣстѣ съ праведными и быть причтеннымъ къ ихъ лику, если не претерпишь многихъ бѣдъ за благочестіе, не будешь вести борьбы съ плотію и за тѣмъ съ діаволомъ, и мужественно не противостоянешь всѣмъ стрѣляніямъ лукавыхъ духовъ. Но лучше, если то угодно, мы примемъ въ наставленіе себѣ въ настоящемъ случаѣ слова самаго Господа, которыя будутъ произнесены на общемъ судѣ. Что Онъ говоритъ? *Приидите благословіи Отца Моего, насльдуите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѣ. 25, 34.). За что? Не за то, что облеклись одеждою нетлѣнія, не за то, что омыли грѣхи ваши, но за то, что совершали дѣла любви, и тотчасъ слѣдуетъ списокъ напитанныхъ, напоенныхъ, одѣтыхъ. И справедливо неложный Судія такъ судить; ибо благодать есть даръ Господа, а образъ жизни есть дѣло удостоеннаго почести. Никто не требуетъ награды за полученную милость, но напротивъ становится должникомъ. Посему, когда мы просвѣтимся крещеніемъ, обязаны признательностію Благодарителю, а признательность наша къ Богу состоитъ въ милосердіи къ собратіямъ, въ заботѣ о нашемъ спасеніи, въ упражненіи въ добродѣтели.

Итакъ бросьте суетную мысль, вы, отлагающіе крещеніе до смерти, зная, что вѣра требуетъ сопутствія сестры своей,—доброй жизни, которой да удостоимся по благому произволенію и помощи Бога, Ему же подобаетъ поклоненіе нынѣ и во вѣки. Аминь.

НА СЛОВА ПИСАНІЯ :

а блудяй, во свое тѣло согрѣшаетъ

(1 Кор. 6, 18.).

Грозная труба апостольскаго наставленія, возвѣщая воинству многія и другія правила благочестія, особенно же отгоняя отъ безднѣ студодѣянія, прилагаетъ въ концѣ и воинское предписаніе: *блжайте*, говоритъ, *блудодѣянія: всякъ грѣхъ, его же еще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть* (1 Кор. 6, 18.). Борцы чувственныхъ войнъ усовершенствуются въ боевомъ искусствѣ, то прямо нападаая на противника, то уклоняясь отъ него бѣгствомъ. Есть и брань духовная, въ которой также потребно искусство противоборства и бѣгства. Зная сіе, Павелъ ведетъ свое воинство къ тому и другому роду искусства благочестивой брани; то учитъ постоянству въ битвѣ: *станите препоясани чресла ваши истиною* (Еф. 6, 14.); то совѣтуетъ обманывать противника бѣгствомъ: *блжайте блудодѣянія* (1 Кор. 6, 18.). Если случится война со стороны невѣрія, то полезно противостоять ему; если же врагъ угрожаетъ

коварствомъ, то хороша противъ такихъ противниковъ засада. Если напрягается лукъ клеветы, то полезна борьба съ ложью лицомъ къ лицу; если же уязвляетъ образъ блудный, то полезнѣе дать тымъ и бѣжать отъ прямой встрѣчи съ нимъ; ибо прелюбодѣянiе направляетъ свои стрѣлы въ глаза. Посему должно помнить приказанiе военачальника: *блгайте блудодьянiя*. Ибо блудъ есть такой порокъ, отъ котораго должно бѣжать болѣе, чѣмъ отъ другихъ. Другiе злые виды грѣха, повидимому, шадятъ тѣло совершающихъ, и содѣланное останавливается только на томъ, кого коснулось дѣло; напримѣръ, въ грабежахъ терпятъ вредъ только ограбленные, въ порокѣ зависти сила страсти обрушивается только на тѣхъ, коимъ завидуютъ; въ клеветахъ, если имъ вѣрятъ, опять опасность только для оклеветаннаго; въ убiйствахъ несчастiе убитому; и если кто обратитъ вниманiе на послѣдствiе всѣхъ неправыхъ дѣлъ, тотъ найдетъ, что неправо поступающiе получаютъ прибыль, а вредъ терпятъ претерпѣвающiе неправду. Но прелюбодѣянiе не знаетъ этого раздѣленiя, не отдѣляетъ дѣла подвергшагося ему отъ дѣла совершившаго, но наноситъ вредъ обоимъ вмѣстѣ, соединяя блудника и блудницу общимъ союзомъ оскверненiя, и обезчестившiй тѣло подвергается одинаково безчестiю съ обезчещеннымъ. Убiйцы, умерщвляя, случается, не

умирають вмѣстѣ съ убитыми; осквернившій же плоть и самъ сопричастенъ оскверненію.

И посмотри со мною на эту тонкость въ словахъ Апостола: *блжайте*, говорить, *блудодѣянія*. Почему? Потому что *всякъ грѣхъ, ево же аще сотворитъ человекъ кромѣ тѣла есть* (то есть не вредитъ естеству тѣла, а совершается внѣ тѣла человекъ причинившаго вредъ), *а блудяи во свое тѣло согрѣшаетъ*; не какъ убійца, который противъ чужаго тѣла (грѣшитъ), сохраняя свое неуязвленнымъ; не какъ любостыжательный, который вредитъ иному, остерегаясь вреда собственному тѣлу; блудникъ самъ себѣ вредитъ, самъ себя пронзаеть стрѣлою безчестія. Воръ рѣшается на воровство, чтобы питать тѣло, а блудникъ заботится объ ограбленіи собственной плоти. Любостыжательнаго побуждаетъ къ хищенію мысль о приобрѣтеніи корысти; блудодѣяніе же наноситъ ущербъ чистотѣ тѣла. Завистливому причиняетъ страданіе слава другаго, а блудникъ самъ содѣваетъ собственное безславіе. Ибо что безчестіе бремени блудодѣянія? Всякое рабство грѣху безславно, ибо безчеститъ благородство души; но блудодѣй есть самый безславный рабъ грѣха; ибо осужденный имъ выгребать свои нечистоты, онъ собираетъ кучи сквернъ и исправляетъ нечистую работу. Не гнушно ли ходить около нечистотъ, тереться около предметовъ постыд-

ныхъ, имѣть тѣло не отличающееся отъ рубища? Ибо какое различіе между рубищемъ и блудодѣемъ? Онъ отторгается отъ тѣла Церкви, разрушается ежедневнымъ гніеніемъ — грѣховными удовольствіями, отбрасывается какъ ненужное рубище, лежитъ на поприще всѣмъ демонамъ. На немъ диаволъ отпечатлѣваетъ свою гнилость.

Внѣшнее положеніе блудника не менѣе дурно, какъ и внутреннее состояніе. Отъ него бѣгутъ въ домахъ, отвращаются въ собраніяхъ; онъ оскорбленіе для сближающихся съ нимъ, предметъ презрѣнія для враждебныхъ ему, позоръ для родственниковъ; его проклинаютъ служители, онъ печаль родителямъ, посмѣшище для домашнихъ, предметъ для смѣха и разговора сосѣдямъ; его отвергаютъ при попыткахъ жениться; послѣ брака онъ подозрительный супругъ. Видя блудодѣяніе матерію такого множества золъ, Павелъ заповѣдаетъ побѣдительно бѣгство: *бѣгайте блудодѣянія*.

Сии слова напомнили мнѣ нынѣ цѣломудреннаго юношу, бѣгствомъ восторжествовавшаго надъ египетскимъ блудодѣяніемъ. Многое склоняло юношу къ увлеченію: возрастъ, въ которомъ сильна любовь къ удовольствіямъ, иго рабства, любовное прельщеніе госпожи; ибо говоритъ Писаніе: *бысть сицевый нлкій день, и видѣ Иосифъ въ домъ дѣлати дѣла своя: и никтоже быше отъ сущихъ въ дому внутрь; и узвати*

госпожа *за ризы глаголющи: лязи со мною* (Быт. 39, 11. 12.). Велико достоинство цѣломудрія! Госпожу оно сдѣлало рабою раба. Разжена была стрѣла блуда, но она не нашла въ душѣ сгараемаго вещества и угасла въ одеждѣ. Она говорила: *лязи со мною*, а цѣломудріе гласило юношѣ напротивъ: *бодрствуй со мною*, и онъ на дѣлѣ показалъ неусыпность. Ибо бодрость духа не воздремала отъ прельщеній, умъ не заснулъ отъ очарованій. Но для него горьче брани былъ голосъ госпожи, приказывавшей: *лязи со мною*.

Готовымъ стоялъ невѣстоводитель блуда, — діаволь, и вмѣстѣ съ блудницею тянулъ одежды и соучаствовалъ въ ея уловкахъ; но не зналъ онъ, что вступилъ въ борьбу съ искуснымъ и опытнымъ подвижникомъ цѣломудрія, хорошо ускользающимъ отъ ея уловокъ; ибо, говоритъ Писаніе, *оставивъ ризы своя въ рукахъ ея, убыже и изыде вонъ* (ст. 13.). О нагота, болѣе скромная, чѣмъ прикрытая одеждою! Что же неистовство египетскаго безпутства? Свои пороки слагаетъ на Іосифа, и прибѣжавъ къ мужу, говоритъ: ты ввелъ къ намъ отрока *Евреина нарушатися намъ*; ибо онъ сказалъ мнѣ: я лягу съ тобою. *Егда же возвысихъ гласъ мой и возопихъ, остави ризы у мене и отбыже* (ст. 14. 15.).

Опять Іосифъ оклеветывается изъ-за одежды. Прежде, братья, взявъ его одежду, при

помощи ея злодѣйственно клеветали на него, что онъ растерзанъ звѣрями; теперь женщина, взявши одежду, оклеветываетъ его въ блудодѣяніи. Къ Іосифу прилично примѣняются слова Господа: *раздѣлиша ризы моя себѣ* (Пс. 21, 19.). Но, о праведное попеченіе Божіе о Іосифѣ! Онъ не прославилъ Іосифа прежде искушеній, но въ сновидѣніяхъ показалъ ему будущее, научая, что издалека еще благоуготовилъ Онъ праведнымъ славу; соизволилъ же искушеніемъ испытать юношу, чтобы заградить уста порицателей. Ибо еслибы Іосифъ не далъ опыта (своей добродѣтели), то порицатели сказали бы, что событія египетскія дѣло слѣпаго случая. Іосифъ царствуетъ и отрокъ повелѣваетъ варварами. Какую доблесть оказалъ онъ? За какую добродѣтель достигъ сего? Предупреждая такіе толки о праведникѣ, Богъ соизволяетъ на искушеніе его, чтобы оно было для праведника свидѣтельствомъ, и заградило уста порицателей. Итакъ будемъ отвращаться отъ стрѣлъ, которыя мечеть образъ блудный. Закроемъ глаза отъ сластолюбія; цѣломудріе пусть бдитъ надъ охраною тѣла, чистота да вселится въ члены, чтобы такимъ образомъ тѣло было обиталищемъ Духа. Припишемъ и самый приговоръ, который возглашаетъ страшное для распутныхъ опредѣленіе: *аще кто хралъ Божій растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. 3, 17.).

ПРОТИВЪ РОСТОВЩИКОВЪ.

Жизнь людей, любящихъ добродѣтель и рѣшившихся жить разумно, опредѣлена бла- гими законами и предписаніями; въ нихъ, какъ можно видѣть, мысль Законодателя имѣеть въ виду двѣ главныя цѣли: одну—воз- бранить запрещенное, другую—возбудить къ совершенію того, что хорошо. Ибо иначе можно кому либо преуспѣть въ жизни благо- устроенной и цѣломудренной, какъ убѣгая, сколько есть силы, отъ зла и стремясь за добродѣтелью, какъ сынъ бѣжитъ за матерью. Итакъ, собравшись и нынѣ, чтобы внимать повелѣніямъ Божиимъ, послушаемъ пророка (Амос. 8, 4—9.), поражающаго злыя чада взаимодейанія — лихвы, и истребляющаго въ (нашей) жизни пользованіе деньгами для при- ращенія ростомъ. Примемъ же послушно его увѣщаніе, чтобы не стать намъ онимъ каме- немъ, падшее на который сѣмя осталось су- химъ и безплоднымъ (Лук. 8, 13.), чтобы и намъ не было сказано то, что нѣкогда ска- зано было упорному Израилю: *слухомъ услы-*

шите, и не уразумяете; и видяще узрите, и не увидите (Иса. 6, 9).

Прошу тѣхъ, кои будутъ слушать, никакъ не обвинять меня въ дерзости или безуміи, если, послѣ того какъ мужъ краснорѣчивый и именитый въ любомудріи, опытный въ наставленіи во всѣхъ родахъ словесныхъ произведеній, приобрѣлъ славу разсуждая о томъ же предметѣ, и оставилъ слово противъ лихоимцевъ, — сокровище для жизни (а), и я вступаю на тоже поприще состязанія, пуская свою пару ословъ или воловъ вмѣстѣ съ увѣнчанными конями. При великомъ всегда бываетъ видимо и малое; и луна свѣтится при сіяніи солнца; и за тяжело нагруженнымъ кораблемъ, гонимымъ сильнымъ вѣтромъ, слѣдуетъ малая ладья, переплывая ту же пучину; и за мужами, подвизающимися въ борьбѣ по правиламъ ратоборства, спѣшатъ дѣлать тоже и дѣти. Вотъ чтò имѣть въ виду, прошу васъ.

Ты же, къ которому моя рѣчь, кто бы ты ни былъ, возненавидь обычай торгашества; будучи человекомъ возлюби людей, а не серебро; противустань, по крайней мѣрѣ, на столько грѣху. Скажи любезнѣйшимъ нѣкогда тебѣ лихвамъ слова Іоанна Крестителя: *роз-*

(а) Здѣсь св. Григорій говоритъ о св. Василіѣ Великомъ, который также оставилъ слово противъ ростовщиковъ.

денія ехиднова М(ате. 3, 7.) удалитесь отъ меня; вы губители и имѣющихъ деньги, и берушихъ займы, доставляете удовольствіе на малое время, но въ послѣдствіи времени ядъ отъ васъ дѣлается горькою отравою для души; вы заграждаете путь жизни; закрываете врата царствія; на малое время усладивъ зрѣніе видомъ, утѣшивъ слухъ звономъ, становитесь виновниками вѣчной печали. Сказавъ сіе, распростись съ приумноженіемъ и лихвою, а сдружись съ нищелюбіемъ, и *хотящаго заяти не отврати* (Мате. 5, 42.). По бѣдности онъ молитъ тебя и сидитъ у дверей твоихъ; по недостатку прибѣгаетъ къ тебѣ богачу, чтобы ты былъ для него помощникомъ въ нуждѣ. Ты же дѣлаешь противное; изъ союзника становишься непріателемъ, ибо не содѣйствуешь ему, чтобы онъ и отъ належащей нужды освободился и возвратилъ тебѣ данное займы, но умножаешь несчастія угнетеннаго горемъ, раздѣлаешь нагаго, еще болѣе язвишь уязвленнаго, къ заботамъ прибавляешь заботы, и къ печалямъ печали. Ибо берущій деньги съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ съ лихвою, беретъ залогъ бѣдности, въ образѣ благодѣянія, вводя пагубу въ домъ (свой.) Какъ тотъ, кто горячешному, палимому жаромъ, одержимому сильнѣйшею жаждою и усиленно просящему пить, даетъ какъ будто изъ челоуѣколюбія вино, хотя доставляетъ на малое время

удовольствіе тому, кто беретъ чашу, но по прошествіи немногаго времени причиняетъ болящему большій и въ десятеро сильнѣйшій жаръ; такъ и ссужающій бѣднаго деньгами, кои приносятъ ростъ, не прекращаетъ нужду, но усиливаетъ несчастіе.

Итакъ, не живи жизнію человѣконенавистника, подъ видомъ человѣколюбія; не будь врачомъ человѣкоубійцею, принимая видъ, что желаешь спасти при помощи богатства, какъ тотъ при помощи искусства, но преднамѣренно пользуясь имъ, на погибель довѣрившагося тебѣ. Праздна и своекорыстна жизнь лихоимца. Не знаетъ онъ труда земледѣлія, ни искусства торговли, но сидитъ на одномъ мѣстѣ, кормя у очага животныхъ. Онъ хочетъ, чтобы для него все росло безъ посѣва и безъ паханія; плугъ у него — перо, поле — бумага, сѣмя — чернила, дожди — время, незамѣтно возвращающее ему плоды—приращеніе денегъ; серпъ у него — взысканіе денегъ; гумно — домъ, въ которомъ вымолачиваетъ имущество угнетенныхъ (несчастіемъ). На все принадлежащее другимъ смотритъ какъ на свое. Желаетъ людямъ нужды и несчастій, чтобы по неволѣ шли къ нему; ненавидитъ тѣхъ, коимъ достаточно своего, и почитаетъ врагами, кто не въ долгу у него. Часто сидитъ близь судилищъ, чтобы найти тѣснимаго взыскивающими долги, и слѣдуетъ за судебными при-

ставами, какъ коршуны за лагеремъ и войскомъ. Носить съ собою кошелекъ и показываетъ тѣснимымъ крайностію охотничью приманку, чтобъ отъ нужды, разверзши на нее пасть, поглотили вмѣстѣ съ нею и ключекъ лихвы. Каждый день считаетъ прибыль, и жадность его не насыщается. Жалѣетъ о золотѣ, которое хранится дома, за чѣмъ оно лежитъ праздно и безъ дѣла. Подражаетъ земледѣльцамъ, которые отъ кучи зеренъ непрестанно требуютъ сѣмянъ. Не даетъ покоя жалкому золоту, но переводитъ его изъ рукъ въ руки. Поэтому видишь богатаго и денежнаго человѣка часто не имѣющимъ въ домѣ и одной монеты; но въ роспискахъ у него надежды, въ обязательствахъ состояніе; ничего онъ не имѣетъ и всѣмъ владѣетъ; онъ поступаетъ въ жизни противоположно апостольскому предписанію, все даетъ требующимъ, но не по человѣколюбивому расположенію къ нимъ, а ради сребролюбія. Ибо терпѣть временную нищету, чтобы золото, какъ пущенный на заработки трудолюбивый рабъ, возвратилось съ прибылью. Видишь, какъ надежда на будущее дѣлаетъ пустымъ его домъ, и великаго богача дѣлаетъ временнымъ бѣднякомъ. Какая же причина сего? Росписка на бумагѣ, обязательство стѣсненнаго бѣдою: «отдамъ съ лихвою, заплачу съ приращеніемъ». За тѣмъ прошу обратить

вниманіе и на то, что должнику, хотя онъ и неимущь, вѣрятъ на основаніи росписки, а Бога, который богатъ и общаетъ (воздасть), не слушаютъ. Дай, и Я *воздамъ*, взываетъ написавшій въ Евангелии (Матѳ. 6, 4.), — въ семь рукописаніи, обнародованномъ для всей вселенной, которое написалъ не писецъ договоровъ, но четыре Евангелиста; свидѣтели котораго всѣ, отъ временъ спасенія, христіане; залогомъ имѣешь рай, ручательство вѣрное. А если и здѣсь его ищешь, то цѣлый міръ собственность благонамѣреннаго должника. Внимательно изслѣдуй благонадежность ищущаго у тебя благодѣянія, и найдешь, что онъ богатъ. Ибо всѣ золотыя руды—собственность этого должника. Всѣ металлы, серебро и мѣдь и прочія за тѣмъ вещества составляютъ часть его вѣдательства. Посмотри на великое небо; обрати вниманіе на безпредѣльное море; изслѣдуй широту земли; исчисли животныхъ, которыхъ она питаетъ; все это подвластно и составляетъ стяжаніе Того, Кѣмъ ты пренебрегаешь, какъ неимущимъ. Образумься, о человекъ! Не оскорбляй Бога, и не почитай Его безчестнѣе мнѣнъ, которымъ ты, если представляютъ поручительства, не сомнѣваясь вѣришь. Дай поручителю неумирающему, повѣрь рукописанію негиблущему и неуничтожаемому. Не припрашивай лихвы, но подавай благодѣяніе не торгуясь, и уви-

дишь, что Богъ воздастъ тебѣ милость съ приложеніемъ.

Если же странными кажутся твоему слуху сіи слова, то у тебя подъ рукою свидѣтельство, что благочестиво иждивающимъ и благотворящимъ Богъ воздаетъ многообразнымъ воздаяніемъ. Ибо на вопросъ Петра: *се мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идехомъ: что убо будетъ намъ?* — отвѣчаетъ *аминь малолю вамъ всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, сторицею пріиметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѳ. 19, 27—30.). Видишь щедрость, видишь благодать. Самый безстыдный ростовщикъ старается только чтобы удвоить данную сумму, а Богъ тому, кто не тѣснить своего брата, добровольно воздаетъ сторицею. Итакъ окажи довѣренность Богу, совѣтующему тебѣ, и получишь безгрѣшныя лихвы. За чѣмъ отягощать себя грѣховными заботами, вычисляя дни, считая мѣсяцы, думая о данной суммѣ, грезя приращеніемъ ея, опасаясь срочнаго дня, какъ бы онъ не оказался безплоднымъ какъ день жатвы во время града? Заботливо слѣдитъ ростовщикъ за дѣлами должника, за его отлучками, движеніями, путешествіями, торговлею; разнесется ли какая прискорбная молва, что онъ попался разбойникамъ и потерпѣлъ отъ нихъ бѣду, или его благосостояніе отъ какого либо

обстоятельства измѣнилось въ бѣдность,—онъ сидитъ сложивъ руки, постоянно вздыхаетъ, часто плачетъ; разворачиваетъ росписку, оплакиваетъ въ буквѣхъ (свое) золото, держитъ передъ собою долговое обязательство, какъ одежду скончавшагося сына; этимъ еще сильнѣе возбуждается его страданіе. А если данъ въ займы корабль, то сидитъ у берега, заботливо слѣдитъ за движеніемъ вѣтра; постоянно спрашиваетъ пристающихъ къ берегу, не слышно ли гдѣ о кораблекрушеніи, не подверглись ли опасности плавающіе; страдаетъ душою отъ мелочей ежедневной заботы. Таковому должно сказать: оставь, о человѣкъ, опасную заботливость; брось изсушающую надежду; дабы ища себѣ лихвы, не погубить главной суммы. Отъ бѣднаго требуешь прибавленій и приращеній богатства, подобно тому, какъ еслибы кто съ поля, высушеннаго сильнѣйшею засухою, захотѣлъ собрать кучи хлѣба, или множество ягодъ съ виноградной лозы, послѣ градоноснаго облака, или (ждалъ бы) рожденія дѣтей отъ бесплоднаго чрева, или питанія млекою отъ нераждавшихъ женъ. Никто не предпринимаетъ того, что неестественно и не возможно, поелику кромѣ того, что онъ ничего не сдѣлаетъ, подвергнется осмѣянію. Одинъ всемогущій Богъ изъ скудости производитъ обиліе и устрояетъ то, чего нельзя надѣяться и ожидать; то повелѣваетъ

камнямъ изводить источники, то дождить съ небеси необыкновенный и странный хлѣбъ, то услаждаетъ горькую Мерру прикосновеніемъ древа; и чрево неплодной Елисаветы дѣлаеть плодоноснымъ, и даруетъ Аннѣ Самуила, и Маріи первороднаго въ дѣвствѣ. Все это можетъ быть дѣломъ только всемогущей руки.

Ты же, не требуй роста отъ мѣди и золота, веществъ не могущихъ произращать, не принуждай бѣдность производить то, что свойственно богачамъ, не требуй лихвы отъ того, кто нуждается въ существенномъ. Или не знаешь, что нужда занимать деньги съ лихвою есть благовидное прошеніе о милосердіи? Посему и законъ, писмя служащее введеніемъ къ благочестію, повсюду воспрещаетъ лихву: *аще даси сребро въ заемъ брату твоему, не буди его понуждаяй* (Исх. 22, 25.). И благодать, изобилующая потокомъ благости, законополагаетъ отпущеніе долговъ, то являя милость и говоря: не давайте въ займы тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить (Лук. 6, 34.), то въ другомъ мѣстѣ въ притчѣ, горько называя жестокаго слугу, который не умилился надъ своимъ сослужителемъ, кланявшимся ему, и не отпустилъ незначительнаго долга во сто динаріевъ, тогда какъ самъ получилъ прощеніе въ десяти тысячахъ талантовъ (Мтѣ. 18, 23—35.). А нашъ Спаситель и Учитель благочестія, устанавливая уче-

никакъ правила молитвы и образецъ ея не содержащій ничего излишняго, въ слова моленія включилъ и сей одинъ членъ, какъ долженствующій всего болѣе и прежде всего достаточный преклонить (къ намъ) Бога: *и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. 6, 12.). И такъ, какъ же ты будешь молиться, ростовщикъ? Съ какою совѣстію будешь просить у Бога исполнить благое прошеніе, все получая и не умѣя давать? Или не знаешь, что молитва твоя есть напоминаніе (твоего) нечеловѣколюбія? Какое ты оказалъ снисхожденіе, чтобы просить о прощеніи? Кого помиловалъ, чтобы призывать Милостиваго? А если и подалъ милостыню отъ твоихъ человѣконенавистныхъ налоговъ, то не переполнена ли она несчастіями другихъ, ихъ слезами и стенаніями? Если бы зналъ нищій, откуда ты подаешь милостыню, то не принялъ бы ее, опасаясь какъ бы ты не накормилъ братнею плотью и кровью ближнихъ, но сказалъ бы тебѣ слова, исполненныя мудраго дерзновенія: не питай меня, человѣкъ, слезами братними; не подавай нищему хлѣбъ отъ стенаній подобныхъ мнѣ нищихъ; отпусти моему ближнему, что неправедно вытребовалъ отъ него, и я признаю твою милость. Что пользы, если одного утѣшаешь, а многихъ дѣлаешь нищими? Если бы не было множества лихоимцевъ,

не было бы множества бѣдныхъ; разрушьясь это скопище, и всѣ будемъ имѣть достатокъ. Всѣ виняты лихоимцевъ, и не можетъ уврачевать это зло законъ, пророки, евангелисты. Что же говоритъ божественный Амосъ: *слышите сокрушающіе изъ утра ублаго, и насильствующіе нищихъ отъ земли, млагомоущіи, когда пройдетъ мѣсяцъ, и продамы* (Амос. 8, 4. 5.). Ибо даже и отецъ не столько радуется рожденію дѣтей, сколько взимающіе лихву радуются окончанію мѣсяцевъ.

Они называютъ грѣхъ почтенными именами именуяють ростъ человѣколюбивымъ, подражая язычникамъ, кои нѣкоторыхъ человѣконенавистныхъ и кровожадныхъ демоновъ, вмѣсто истиннаго ихъ названія, зовутъ Евменидами (а). Человѣколюбивъ ростъ! Но не лихвенный ли налогъ ниспровергаетъ дома, истощаетъ богатыхъ, ведетъ къ тому, что люди благородные ведутъ жизнь худшую, чѣмъ рабы; (заемъ) нѣсколько пріятенъ въ началѣ, но готовитъ горечь на остальную жизнь. Ибо какъ птицы, которымъ строятъ ковы птицеловы, рады, когда разсыпають имъ зерна, и дѣлають любимымъ и обычнымъ мѣстопребываніемъ тѣ мѣста, гдѣ находятъ обильную пищу, но не много времени спустя, попавшись въ сѣти,

---

(а) То есть: милостивымъ.

погибають; такъ и занимающіе деньги за лихву, поблагоденствовавъ малое время, на послѣдокъ лишаются и отеческаго очага. Милосердіе же не живетъ въ скверныхъ и сребролюбивыхъ душахъ; видя, что и самый домъ должника назначенъ къ продажѣ, онѣ не преклоняются на милость, но еще болѣе понуждаютъ продать, дабы скорѣе получивъ деньги, опутать сѣтью займа другаго бѣдняка, по примѣру ревностныхъ и ненасытныхъ ловцевъ, которые окруживъ сѣтьми одну долину и выловивъ всѣхъ, находящихся тамъ звѣрей, переставляютъ снова колья для сѣтей къ сосѣдней долинѣ и отъ ней къ другой, до тѣхъ поръ, пока всѣ горы опустѣютъ, лишившись звѣрей. И такъ, какими очами, будучи таковымъ, зриаешь на небо? Какъ просишь оставленія грѣховъ? Ужели по безчувственности, молясь говоришь и то, чему научилъ Спаситель: *остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*? О сколько людей въ слѣдствіе лихвы, взялись за веревку, отдали себя волнамъ рѣкъ, сочли смерть легчайшею заимодовца, оставили сиротами дѣтей, съ злою мачихою ихъ — бѣдностью! А добрые ростовщики не щадятъ даже и тогда опустѣлаго дома, но влекутъ наслѣдниковъ, наслѣдовавшихъ можетъ быть одну веревку отъ петли, и требуютъ золота отъ тѣхъ, кои питаются хлѣбомъ съ чужаго стола. А когда ихъ позо-

рять, какъ и слѣдуетъ, по поводу смерти должника, и нѣкоторые, чтобы устыдить ихъ, упоминають о петлѣ, не стыдятся этого происшествія и не ужасаются душою, но отъ горечи душевнаго настроенія произносятъ безстыдныя слова: ужели то вина нашихъ обычаевъ, если этотъ злосчастный и несмысленный, которому отъ рожденія сужденъ печальный жребій, по необходимости рока, окончилъ жизнь насильственною смертію? Ибо ростовщики и философствуютъ, и дѣлаются учениками египетскихъ астрологовъ, какъ скоро нужно оправдать свои проклятыя дѣйствія и убійства.

И такъ, къ одному изъ таковыхъ нужно сказать: ты (она) несчастная судьба, ты злая необходимость звѣздъ. Ибо если бы ты облегчилъ заботу (должника) и одну часть его долга отпустилъ, а другую часть взымалъ бы съ ослабою, то не возненавидѣлъ бы онъ тяжкую жизнь, и не сталъ бы палачемъ себя самага. Но какими очами во время воскресенія будешь смотрѣть на убитаго? Оба придете къ судилищу Христову, гдѣ не лихвы считаются, но (дѣла) жизни судятся. Что же отвѣтишь, обвиняемый, неподкупному Судіи, когда скажетъ тебѣ: ты имѣлъ законъ, пророковъ, евангельскія увѣщанія, ты слышалъ, какъ всѣ они вмѣстѣ единогласно возглашали любовь, челоуѣколюбіе, и говорили: *одни: да не даси брату твоему въ лихву*

(Второз, 23, 19.); другіе; *сребра не даде въ лихву* (Пс. 14, 5.); иные: *аще даси въ заемъ брату твоему, не буди его понуждаяй* (Исх. 22, 25.). Матѳеѣй же въ притчахъ вопіеть, говоря и возвѣщая слово Господне: *рабе лукавый, весь долъ оный отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: не подобаше ли и тебѣ помиловати клевета твоего, якоже и азъ тя помиловахъ; и прогнѣвався господь его, предаде его мучителемъ, дондеже воздастъ весь долъ свой* (Матѳ. 18, 32—35.). Тогда овладѣеть тобою бесплодное раскаяніе; тогда наступятъ тяжкія стенанія и неумолимое наказаніе; нисколько не пособитъ золото и не поможетъ серебро; горче желчи будетъ наращеніе лихвъ. Это не слова устрашающія, но истинныя дѣла, свидѣтельствующія о судѣ, прежде чѣмъ испытаетъ его; предохранять себя отъ него, хорошее дѣло для мужа благоразумнаго и заботящагося о будущемъ.

А что бы принести нѣкоторую пользу слушателямъ, я разскажу о томъ, что еще прежде суда Божія въ наши времена случилось въ домѣ ростовщика; послушайте что скажу, хотя быть можетъ многимъ это происшествіе окажется извѣстнымъ.

Былъ въ нѣкоторомъ городѣ одинъ человѣкъ (не скажу его имени, остерегаясь, называя его по имени, выставяты на позоръ скончавшагося), имѣвшій своимъ промысломъ ростов-

щичество и приращеніе (состоянія) скверными лихвами. Одержимый страстію сребролюбія, онъ былъ скупъ и относительно собственныхъ издержекъ (ибо таковы сребролюбцы); не имѣлъ онъ достаточнаго стола, не перемѣнялъ своихъ одеждъ, иначе какъ по нуждѣ, не доставлялъ дѣтямъ необходимо потребнаго для жизни, не позволялъ себѣ частаго хожденія въ баню, боясь платы и трехъ оводовъ, но всякимъ способомъ придумывалъ, какъ бы больше увеличить количество денегъ. Даже не считалъ онъ никого достаточно вѣрнымъ стражемъ (своего) кошелька, ни сына, ни раба, ни мѣнялу, ни ключъ, ни печать; но закладывая деньги въ углубленіе стѣнъ и замазывая снаружи глиною, хранилъ свое сокровище въ неизвѣстности отъ всѣхъ, замѣняя однѣ мѣста другими, и однѣ стѣны другими, и думая искусно скрыть его отъ всѣхъ. Внезапно онъ отошелъ отъ жизни, не извѣстивъ никого изъ домашнихъ, гдѣ зарыто золото. Зарытъ былъ и самъ находившій въ томъ пользу, чтобы скрывать (деньги). А дѣти его, надѣявшіяся по своему богатству стать знатиѣ всѣхъ въ городѣ, искали (денегъ) повсюду, спрашивали другъ друга, допытывали у служителей, раскапывали полы въ домахъ, отчищали снизу стѣны, разузнавали у сосѣдей и знакомыхъ дома, переверотили, какъ говорится, каждый камень, но не нашли ни овола. Ведутъ

они жизнь бездомную, безпріютную, нищими, неразъ проклиная каждодневно глупость отца.

Таковъ-то вашъ пріятель и другъ, ростовщики! Достоиню своему образу жизни окончилъ ее суетный пріобрѣтатель денегъ, подвергавшій себя тяжкимъ лишеніямъ и голоду; совравшій наслѣдство, себѣ — вѣчное наказаніе, а дѣтямъ нищету. Не знаете вы, для кого собираете или трудитесь. Многоразличны обстоятельства, безчислены обманщики, грабители и разбойники тревожатъ землю и море; смотрите, чтобы вамъ и грѣха не преумножить, и золота не потерять. «Но несносна намъ, говорятъ, такая рѣчь (знаю, что вы ворчите сквозь зубы, и постоянно ставлю васъ передъ это сѣдалище); онъ желаетъ зла тѣмъ, кому мы благодарствуемъ и кто нуждается. Вотъ мы удержимся давать въ займы; какъ-то будутъ жить и нуждающіеся»? Слова, достойныя дѣлъ, и возраженіе приличное омраченнымъ мракомъ денегъ; ибо у нихъ нѣтъ даже твердости сужденія въ разсудкѣ, чтобы уразумѣть, что говоримъ мы; они превратно понимаютъ совѣтъ тѣхъ, кои учатъ ихъ законному. Ибо, какъ будто бы я говорю, что не должно давать въ займы неимущимъ, они грозятъ имъ, и угрожаютъ запереть двери предъ нуждающимися. Но я прежде всего проповѣдаю и увѣщаю дарить; за тѣмъ приглашаю и давать

въ займы (ибо даяніе взаимны есть второй видъ даренія); но дѣлать это безъ лихвы и приращеній, но какъ повелѣло намъ слово Божіе. Ибо одинаково повиненъ наказанію и не дающій взаимны, и дающій съ лихвою; поелику первый осуждается въ нечеловѣколюбіи, а послѣдній въ барышничествѣ. А они, бросаясь въ противоположную крайность, обѣщаютъ совершенно прекратить даяніе. Но это безстыдное возраженіе, неистовое пререканіе правдѣ, вражда и брань противъ Бога; ибо говоришь ты, или не дамъ, или давая взаимны, заключу условіе о ростѣ.

И такъ, противъ лихоимцевъ достаточно подвизалось наше слово, и удовлетворительно, какъ бы на судѣ, указало то, въ чемъ они виновны. Да дастъ имъ Господь раскаяніе въ этомъ злѣ! А тѣмъ, которые легко входятъ въ долги и не взирая на опасности кидаются на крючекъ роста, я не скажу ничего, думая, что имъ достаточно совѣта, который мудро предложилъ имъ божественный отецъ нашъ Василій, въ своемъ сочиненіи, обращая рѣчь болѣе къ тѣмъ, кои необдуманно входятъ въ долги, чѣмъ къ тѣмъ, кои любостыжательно даютъ въ займы.

ПРОТИВЪ ТЯГОТЯЩИХСЯ ЦЕРКОВНЫМИ НАКАЗАНИЯМИ.

Разумъ есть по истинѣ божественное и священное дѣло Божіе, превосходное стяжаніе, не отъинуды привзошедшее, но съ самою природою человѣка соединенное, драгоценнѣйшій даръ, нисшедшій въ него отъ Зиждителя. Посему и говорится, что человѣкъ созданъ по подобію Божію (Быт. 1, 26.). Имъ онъ и отличается отъ прочихъ животныхъ, и этимъ особенно богоподобнымъ преимуществомъ запечатлѣвается, въ прочемъ имѣя очень много общаго съ животными. Ибо форма глазъ и составъ всего тѣла, какъ наружный видъ его, такъ и то, что скрыто въ желудкѣ, не даютъ особаго преимущества человѣку; поелику мы видимъ, что и обитающія на землѣ и въ водѣ, и летающія по воздуху и вообще всѣ животныя имѣютъ тоже самое. Но разумъ дѣлаетъ человѣка владыкою всего, и служитъ признакомъ его счастія. Чтò Богъ имѣетъ изобильно, то даровалъ намъ въ малой мѣрѣ, чтобы мы прежде всего устремляли

взоръ свой къ Нему, познавали Разумъ, подающій разумъ, и служили бы Тому, кто такъ прекрасно украсилъ насъ собственнымъ совершенствомъ. Посредствомъ разума мы, будучи слабы тѣломъ, дѣлаемся сильнѣе сильныхъ, все поработаемъ себѣ и заставляемъ служить нашимъ нуждамъ. Такъ мы укрощаемъ воловъ, налагаемъ на нихъ ярмо и заставляемъ плугами разсѣкать землю, и быстраго коня сдерживая уздою дѣлаемъ послушнымъ, и лѣниваго осла, побуждая палкою, дѣлаемъ болѣе проворнымъ, и упорныхъ муловъ принуждаемъ тащить колесницы и перевозить тяжести, громадныхъ тѣломъ слоновъ и высокихъ верблюдовъ удобно приспособляемъ къ тому, что нужно намъ. Такъ мы переплываемъ и глубину водную, и на маломъ деревѣ при помощи мореходнаго искусства пробѣгаемъ неизмѣримыя моря, и когда не имѣемъ указаній для этого пути, потерявъ изъ виду землю, безопасно направляемъ путь свой по знакамъ на небѣ, и плователя, какъ и волхвовъ, путеводить звѣзда. Открыты (разуму) и широта и очертаніе неба, и множество звѣздъ, и то, какую каждая имѣетъ величину, и разстояніе и фазы луны, и что бываетъ съ солнцемъ, когда оно на нѣкоторое время скрываетъ лучи свои. Мы разсуждаемъ даже и о причинахъ колебанія земли, и отчего она потерявъ естественную устойчивость,

и сама волнуется и потрясаетъ живущихъ со всѣмъ, что находится на ней. Наблюдая признаки погоды, мы предусматриваемъ засухи и предсказываемъ дожди. Вникая разумомъ въ произведенія земли, мы изслѣдуемъ свойства растений, и находимъ одно полезнымъ для цѣленія ранъ, другое способствующимъ сну для страдающихъ бессонницею, иное цѣлительнымъ для печени, а иное уничтожающимъ воспаленіе селезенки. Не говорю о знаніяхъ, умалчиваю объ искусствахъ, однихъ необходимыхъ, другихъ служащихъ ко всякому удовольствію, о разнообразной области занятій.

Но такое животное, мудрое, способное къ дѣятельности, къ труду, одаренное памятью, видящее и около себя и вдали, увлекаясь разнообразными удовольствіями и различными страстями, одно оставляетъ безъ вниманія,— истинную жизнь и собственное спасеніе! Наблюдая измѣненія вѣтровъ, ты не обращаешь взора къ воскресенію; зная годовыя перемѣны, не обращаешь вниманія на перемѣну жизни; требуя отъ собственнаго раба отчета въ его дѣлахъ, пренебрегаешь властію своего Судіи и Господа. Это свойственно не разумному существу, но извратившему разумность въ безуміе. Правды не сохраняешь, добродѣтели не научаешься, о молитвѣ не радишь; это обнаружилъ вчерашній день.

Какими глазами ты смотришь на воскресный день, обезчестивъ субботній? Развѣ ты не знаешь, что эти дни какъ бы братья? Если ты обидѣлъ одинъ, не оскорбляешь ли тѣмъ другаго? Имѣя умъ и разумокъ, ты не предусматриваешь приличнаго и полезнаго, не прилагаешь заботы, соотвѣтственной безсмертію твоего естества и не разсуждаешь о своей природѣ, — кто ты таковъ и чѣмъ можешь быть. Но ты предалъ даръ Божій чреву, сладострастію, праздности и сну, такъ что онъ сталъ для тебя ненужнымъ, бесполезнымъ и тщетнымъ. Это весьма постыдно, дѣтски неразумно и достойно тяжкаго осужденія. Менѣе было бы зла, если бы не умѣя разсудить собственнымъ умомъ и сами собою, что для насъ полезно, повѣрили другому, когда тотъ указываетъ намъ полезное. Но на дѣлѣ не такъ; мы очень не любимъ учителей, съ непріятностію сносимъ ихъ наставленія и тяготимся совѣтами; чувствуемъ тошноту отъ ученія хорошему, какъ больные разстройствомъ желудка отъ питательной пищи, предлагаемой имъ врачами. Если сдѣлаютъ упрекъ, сердимся; если услышимъ строгое слово, негодуемъ; если отлученіемъ затворятся для насъ церковныя двери, богохульствуемъ. Это не есть поведеніе, свойственное учащимся; это—не послушаніе учениковъ, но пренія возмутителей и бунтовщи-

ковъ. Ученикъ, который хочетъ приобрѣсть знаніе какого-либо мірскаго искусства или науки, долженъ стоять на ряду съ дитятею; а кто желаетъ достигнуть совершенства въ благочестіи, тому тѣмъ болѣе полезно быть младенцемъ, что и Господь сей возрастъ почтилъ Своими похвалами, какъ особенно способный къ повиновенію. Но отрокъ не посягаетъ на черты и линіи, которыя учитель дѣлаетъ на навощенной доскѣ и не чертитъ новыхъ буквъ по глупому своему своеволю, дѣлая нововведенія въ письменахъ; онъ сперва грифелемъ упражняетъ руку по чертамъ проведеннымъ учителемъ и не даетъ иныхъ именованій буквамъ, но тѣ, которыя слышалъ; всячески словомъ и дѣломъ онъ подражаетъ передаваемому руководителемъ. А если за нерадѣніе и наказывается плеткою, то не становится дерзкимъ отъ наказанія, не уходитъ отъ учителя, разбивъ доски, но проливъ немного горькихъ слезъ, принимается за ученіе и дѣлается внимательнѣе, а не нерадивѣе. Если же въ другой разъ опять по молодости окажется небрежнымъ, ему приказываютъ оставаться безъ пищи, и нерадѣніе наказываютъ голодомъ; остается также въ училищѣ одинъ, когда другія дѣти уходятъ обѣдать, исполняя приказаніе съ большимъ уваженіемъ. Но не такъ ведетъ себя христіанинъ, который слышалъ: *еще не*

обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное (Матѳ. 18, 3.). Если онъ увидитъ священника, строгимъ видомъ и голосомъ обличающаго согрѣшеніе, открыто противорѣчить, ворчить сквозь зубы, и обходя площадь и улицы ругается. А если онъ отлученъ отъ церкви, презираетъ молитву, явно отдаляясь отъ народа и отъ таинствъ. Случается, что даже и не подвергшійся такому наказанію, самъ себя удаляетъ отъ церкви по гнѣву на епископа, отвращаясь отъ Бога и Господа. Такому можно сказать тоже, что сказано было Павлу, когда онъ былъ еще Савломъ: *жестокое есть ти противу розниа прати* (Дѣян. 9, 5.). Если ты самъ удалилъ себя отъ Бога, то размысли, что удаляющійся отъ солнца проводитъ жизнь во мракѣ и тмѣ. Если ты отстраненъ отъ молитвъ какъ недостойный, покаянiемъ возврати себѣ прежнее состояніе.

Въ евангелiяхъ не писано ничего ложнаго, и предреченное Христомъ несомнѣнно исполняется. Черезъ Петра Онъ далъ епископамъ ключи небесныхъ почестей; знай же, что разрѣшенный ты будешь разрѣшенъ, и связанный духовными узами, ты будешь связанъ. Если бы ты могъ видѣть существо души, я показалъ бы въ тебѣ отлученномъ образъ осужденнаго, по шеѣ скованнаго тяжкими оковами, не имѣющаго свободнымъ или

разрѣшеннымъ ни одного члена. О, если бы еще этою жизнію ограничивалось наказаніе! Но теперь, если что человѣческое случится, и вдругъ предстанетъ кончина, какъ тать въ нощи, знай, что для тебя заключено и тамъ. Внимательны и не шутятъ стражи вратъ царствія; они видятъ душу, имѣющую знаки отлученія; какъ бы узника, который имѣетъ на себѣ слѣды зловонія и нечистоты темничной, они гонятъ ее съ пути ведущаго къ блаженству, не дозволяютъ видѣть лики праведныхъ и ангельское веселіе. Жалкая же душа много обвиняя тогда себя въ неразуміи, плача, скорбя и стѣня, будучи заключена въ мрачное нѣкое мѣсто, какъ бы въ затворъ, останется тамъ, казнясь нескончаемымъ и во вѣки непрекращающимся плачемъ. *Не будите,* сказано, *яко конь и меккз, имѣ же нльсть разума, браздами и уздою челюсти ихъ востянеши* (Пс. 31, 9.). Сіе говоритъ псаломъ, смягчая упорнаго и какъ бы елеемъ умащая наставленіями. Итакъ склони выю, и какъ ярму подчинись приказаніямъ. Упорное сокрушается, а гибкое и склоняющееся выпрямляется; тебя научаетъ этому и опытъ надъ деревьями. Закусивъ узду не ввергнись въ стремнину или пропасть, но подчинивъ выю рукъ всадника, направляйся по спасительному пути. Когда примешь наказаніе, скажи съ покорнымъ духомъ слова Давида: *благо мнѣ,*

яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ (Пс. 118, 71.). Не считай отлученіе самовольствомъ епископа; это отеческій законъ, древнее церковное правило, начавшееся во времена закона и утвержденное во времена благодати. Посмотри на святаго Павла, чрезъ посланія посылающаго приговоръ отлученія противъ виновныхъ и врачующаго этимъ врачевствомъ коринесскаго юношу, грѣхомъ съ мачихою по навожденію сатаны заразившагося. *Его же бо любитъ Господь наказуетъ, бьетъ же сына, его же пріемлетъ* (Евр. 12, 6.). Ибо не сладки корни ученія, но горьки; въ послѣдствіи же произрастаютъ плодъ сладчайшій сота. Посему занимающемуся ученіемъ нужно трудиться, а учащему употреблять наказанія и строгость. Въ законѣ Моисеевомъ доселѣ остаются четыре десятицы законныхъ ударовъ, но не такъ въ евангельскомъ законѣ. Здѣсь говорится обо всемъ: здѣсь и милость и жезлъ и утѣшеніе и наказаніе. Ибо мы не какъ раба бьемъ тебя, но учимъ какъ свободнаго, потому что твой родъ отъ свободной Сарры, а не отъ рабыни Агари. Мы уважаемъ тебя какъ сына свободной, а не безчестимъ какъ родившагося отъ служанки. Посему когда ты согрѣшаешь, мы подвергаемъ тебя свободнымъ эпитиміямъ, не тѣло бичуя, но душу сокрушая. Если мы не будемъ и этого дѣлать, то

какъ тебя научимъ? Не легко передается слово ученія и руководство къ добродѣтели; оно требуетъ различныхъ способовъ наставничества, принаровляемыхъ къ существующимъ нравамъ. Послушенъ ли кто и удобопреклоненъ къ назиданію? Для него прилично простое и кроткое слово. Упоренъ ли и необузданъ? Для него нужны розги. Что же намъ дѣлать, когда розогъ мы не употребляемъ? Неужели оставить такого безъ вразумленія? Нѣтъ! Но мы при помощи слова дадимъ ему иной видъ, соотвѣтственный тому, какой будетъ нуженъ. И какъ кушанье чрезъ малую прибавку приправъ получаетъ противоположный вкусъ, изъ горькаго дѣлаясь сладкимъ, и изъ сладкаго перемѣняясь въ горькое; такъ и наше слово чрезъ приложеніе новыхъ формъ, приспособляется къ различнымъ нуждамъ, дабы соотвѣтствовать воспитанію каждаго.

И такъ, не порицай меня по угламъ, называя мой способъ ученія грубымъ, и соучастниковъ преступленій твоихъ дѣлая соучастниками своихъ ругательствъ на меня; не сѣди судя епископа на совѣтѣ суетномъ. А я не буду возмущаться душою, какъ бы новое что терпя, если упорнѣйшіе изъ учениковъ негодуютъ на меня; ибо таково свойство человѣка, неразлучное съ нимъ отъ начала до конца жизни, что начальникъ вообще тяжелъ

для всѣхъ подчиненныхъ, а для преступныхъ и незаконныхъ даже ненавистенъ. Ибо запрещающій грѣхъ огорчаетъ; меня научаетъ въ этомъ достаточно, кромѣ постороннихъ свидѣтельствъ, и священная исторія. Какой пастырь былъ лучше Моисея? Какой начальникъ былъ такъ снисходителенъ и кротокъ? Всѣмъ онъ былъ для народа, питателемъ, вождемъ, священникомъ, истиннымъ отцемъ, спасителемъ на войнѣ, въ пустыни доставлявшимъ то, чего не сѣяли и не пахали, судьей снисходительнымъ, путеводителемъ вѣрнымъ; но и при всемъ томъ противъ него возмущались какъ противъ несправедливаго, оскорбляли какъ вреднаго, роптали какъ на татей и обманщиковъ, злословили какъ неискуснаго вождя и не добраго начальника; онъ былъ въ опасности лишиться и самаго священства, когда Даѳанъ, Авиронъ и сыны Корея, увлекши съ собою мятежный народъ, непризванные, усиливались быть священниками святилища, устроили себѣ кадилаицы, едва не прикоснулись къ святынѣ и возжгли таинственный огонь, который прежде ѳиміама сжегъ курившихъ. Такъ много поводовъ подаетъ къ негодованію начальство надъ народомъ и должность учителя, что даже братья не пощадили Моисея; но и Маріамъ противорѣчила, и Ааронъ порицалъ, и бремя власти извратило чувство родственной любви и возстановило противъ много потрудившагося

мужа самыхъ близкихъ ему. Но это ничто было для Моисея; ибо онъ былъ все тотъ же Моисей, и не сдѣлался хуже себя, а они вызвали и понесли отъ Бога наказанія за свои вины противъ вождя. Что было съ преемниками Моисея? Исаія учитель благочестія не былъ ли перебитъ? Иеремію за то, что не переставалъ вопіять обличая идолослуженіе, развѣ не приняли въ наказаніе рвы и водотечи? Захарія не подвергся ли нападенію, и не былъ ли убитъ между церковью и алтаремъ? Самъ Господь нашъ не былъ ли закланъ какъ пастырь за овецъ? Не по ненависти ли къ наставленіямъ распятъ былъ? Что было причиною отсѣченія главы Павла? Что вознесло Петра на крестъ? Что предало различнымъ мукамъ одного за другимъ Апостоловъ? Не то ли, что они воспрещали грѣхъ, учили правдѣ? Всегда друзья истины и учителя кажутся врагами для учениковъ ими обличаемыхъ. А мы за истину еще не терпѣли заушеній, еще не было опасности для нашего тѣла. И что много сѣтовать намъ служителямъ Распятаго? Какъ отецъ или мать, я принимаю твои грубости и дерзости.

С Л О В О

КЪ СКОРБЯЩИМЪ О ПРЕСТАВИВШИХСЯ ОТЪ НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ ВЪ ВЪЧНУЮ.

Почитающіе несчастіемъ для отходящихъ отъ жизни то, что составляетъ неизбѣжное слѣдствіе нашего естества, и тяжело скорбящіе объ отшедшихъ отъ здѣшней жизни къ жизни духовной и безтѣлесной, кажется мнѣ, не обращаютъ вниманія на то, какова наша жизнь, но страдаютъ недостаткомъ большинства людей, кои, по какой-то неразумной привычкѣ, свое настоящее, каково бы оно ни было, любятъ какъ благо, хотя существу, возвышающемуся надъ неразумною природою разумомъ и разсужденіемъ, должно бы къ тому только склоняться, чтò является хорошимъ и достожелаемымъ по суду разума, а не то, конечно, избирать, чтò, по какой-то привычкѣ и неразсудительному пристрастію, кажется намъ пріятнымъ и по сердцу. Поэтому мнѣ кажется хорошимъ, при помощи

нѣкоторыхъ размышленій, отвлекши ихъ отъ
 обычнаго имъ настроенія, возвести сколько
 возможно къ лучшему и болѣе приличному
 разумнымъ существамъ образу мыслей; ибо
 такимъ образомъ были бы изгнаны изъ жизни
 людской тѣ неразумныя скорби, которымъ
 предаются многіе. Въ разсужденіи же нашемъ
 о предположенномъ предметѣ мы сохранимъ
 порядокъ, если во-первыхъ изслѣдуемъ, въ
 чемъ состоитъ истинное благо; потомъ раз-
 смотримъ свойства жизни въ тѣлѣ; а за тѣмъ
 посредствомъ сличенія сравнимъ настоящее
 съ тѣмъ, что соблюдается намъ упованіемъ.
 Такимъ образомъ наше разсужденіе достиг-
 нетъ цѣли слова, состоящей въ томъ, чтобы
 освободить многихъ отъ обычнаго образа
 мыслей о благѣ. Такъ какъ всѣмъ людямъ
 врождено нѣкоторое естественное отношеніе
 къ благу, и къ нему обращенъ всякій сво-
 бодный выборъ, полагающій достиженіе блага
 цѣлю всѣхъ заботъ въ жизни, то посему,
 неразумніе того, въ чемъ состоитъ подлинное
 благо, обыкновенно бываетъ причиною боль-
 шей части погрѣшностей; такъ что если бы
 для всѣхъ было яснымъ истинное благо,
 то мы никогда бы не уклонялись отъ того,
 въ чемъ благо составляетъ самую природу,
 и не стремились бы добровольно, опытомъ
 извѣдать зло, если бы только не прикрыва-
 лись вещи нѣкоторою обманчивою видимо-

стию блага. Итакъ прежде всего въ нашемъ словѣ размыслимъ о томъ, въ чемъ состоитъ истинное благо, дабы заблужденіе относительно сего не было какъ нибудь поводомъ къ избранію худшаго вмѣсто лучшаго. Прежде всего, говорю я, въ нашемъ словѣ нужно представить нѣкоторое опредѣленіе и характеристическое свойство искомаго предмета, отъ чего получило бы несомнѣнность наше понятіе о благѣ. Итакъ, въ чемъ состоитъ характеристическое свойство истиннаго блага? Въ томъ, что оно имѣетъ въ виду не одно только полезное относительно, чтò въ различное время является то полезнымъ, то бесполезнымъ, чтò для одного хорошо, а для другаго не таково, но то, чтò и само по себѣ, по собственной природѣ есть благо, и остается таковымъ же для всѣхъ и всегда; таково, по моему сужденію, неложное и необманчивое характеристическое свойство, отличающее благо. Ибо, чтò есть благо не для всѣхъ, не всегда, не само по себѣ независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, то не можетъ собственно быть почитаемо существеннымъ благомъ. Такъ, многіе поверхностные наблюдатели существующаго вообразили, что благо заключается въ стихіяхъ міра; но при внимательномъ изслѣдованіи никто не найдетъ, чтобы въ нихъ оказалось благое само по себѣ, всегда и для всѣхъ, ибо въ каждой изъ нихъ

съ полезнымъ смѣшано и дѣйствіе противоположнаго свойства; напримѣръ вода спасительна для живущихъ въ ней, но гибельна для земныхъ животныхъ, если погрузятся въ нее. Точно также и воздухъ для тѣхъ, кому природа опредѣлила жить въ немъ, спасителенъ, а кому досталась въ удѣлъ жизнь въ водѣ, оказывается пагубнымъ и гибельнымъ, какъ скоро случится быть въ немъ кому-либо изъ животныхъ водныхъ. Такъ и огонь, приносящій намъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользу, гораздо чаще оказывается гибельнымъ. Да и самое солнце, не всегда, не повсюду, и не для всего, что подвергается его дѣйствію, оказывается благомъ; въ иныхъ случаяхъ бываетъ оно и очень вредоноснымъ, когда печетъ сверхъ надлежащей мѣры, иссушаетъ чрезмѣрно то, что подъ нимъ, часто дѣлается причиною болѣзней, людямъ съ чувствительнымъ зрѣніемъ причиняетъ глазную болѣзнь, и производя гніеніе влагъ, поражаетъ въ испорченной гнилости влажныхъ веществъ вредныя и отвратительныя существа.

Итакъ, повторяю, изъ всего признать благомъ надлежитъ только то, что всегда и для всѣхъ одинаково является благомъ по самому существу, что постоянно пребываетъ такимъ и не измѣняется по внѣшнимъ обстоятельствамъ. О всемъ прочемъ, что по какому-

то неразумному предположенію кажется людямъ благомъ, говорю о благахъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ, каковы сила и красота, благородство происхожденія, деньги, власть и слава, и все подобное, о всемъ этомъ, какъ само собою для всѣхъ очевидномъ, думаю нужно умолчать и не обременять напрасно наше слово вещами общеизвѣстными. Ибо кто не знаетъ скоротечности красоты или силы, или перемѣнчивости власти, или непостоянства славы, или суетности пристрастія къ деньгамъ людей, которые полагаютъ благо въ извѣстныхъ веществахъ по причинѣ ихъ блеска и рѣдкости?

Распорядившись такъ касательно этихъ предметовъ, мы должны обратить вниманіе на настоящую жизнь, говорю о жизни, проводимой во плоти, такова ли она, чтобы въ ней усматривался характеристическій признакъ блага, или инаго рода? Ибо, что откроетъ въ ней наше разсужденіе, то конечно будетъ для разумнѣя изслѣдующихъ руководствомъ, какъ нужно относиться къ представленію отъ здѣшней жизни. Итакъ, жизнь нашего тѣла состоитъ въ восполненіи и лишеніи, совершающемся двоякимъ образомъ, чрезъ пищу и питье, за тѣмъ чрезъ вдыханіе и выдыханіе воздуха, безъ чего плотская жизнь естественно не можетъ существовать; ибо тогда перестаетъ человѣкъ жить, когда

наша природа уже не утруждается преемствомъ сихъ противоположностей. Послѣ сего совершенно останавливается такого рода дѣятельность, такъ какъ въ умершемъ ничто ни отвиѣ не притекаетъ, ни изъ него не выдѣляется, но при разрѣшеніи и разложеніи тѣла на сродныя стихіи, изъ которыхъ оно состояло, естество наше наконецъ остается въ неподвижномъ покоѣ, возвративъ каждой стихіи сродное и однородное, землѣ—землистое, воздуху—свойственное ему, водѣ—принадлежащее ей, и теплотѣ—соотвѣтствующее ей. Ибо какъ скоро въ массѣ тѣла, составляющія оную разнородныя вещества теряютъ свою вынужденную и невольную связь, но каждая изъ находящихся въ насъ частицъ возвращается на свое мѣсто; то тѣлесное естество наше, которое насильно сдерживало въ себѣ соединеніе разнороднаго, перестаетъ быть. А если кто къ вышеуказаннымъ противоположностямъ причислитъ еще сонъ и бодрствованіе, какъ видоизмѣненія сей жизни, тотъ не выскажетъ невѣрнаго мнѣнія. Ибо и сему подвержено наше естество, постоянно влекомое къ противоположнымъ состояніямъ, то являясь разслабленнымъ во время сна, то возбужденнымъ во время бодрствованія; а чрезъ то и другое совершается въ немъ лишеніе и восполненіе. Итакъ, если лишеніе и восполненіе есть осо-

бенность нашей жизни, то хорошо было бы указанное выше характеристическое свойство, отличающее благо, сравнить теперь съ свойствами жизни, чтобы увидѣть, истинное ли благо есть эта жизнь, или иное что, различное отъ сего. Если восполненіе само по себѣ не можетъ быть правильно приписано благу, какъ его естественное свойство, то отсюда ясно для всѣхъ, что также невозможно почитать благомъ и противоположное ему, разумѣю лишеніе. Ибо при совершенной противоположности того и другаго невозможно согласовать ихъ, какъ равно противорѣчащія въ понятіи блага; но если бы одно было по природѣ своей благомъ, то противоположное ему конечно будетъ зломъ. Но здѣсь то и другое равно приноситъ пользу для природы. Слѣдовательно въ опредѣленіе блага не возможно допустить ни понятія восполненія, ни лишенія. Итакъ доказано, что восполненіе есть нѣчто иное, отличное отъ блага; ибо всѣми признается, что оно и не вездѣ, и не всегда, и не во всякомъ видѣ полезно. Не при вредной пищѣ, пресыщеніе бываетъ губельно, но и при соотвѣтствующей, превышеніе мѣры полезнаго часто бываетъ причиною опасностей и вреда; и если при переполненномъ состояніи тѣла, которое требуетъ очищенія, новое переполненіе усилитъ существующее, то оно причинитъ множество

бѣдъ и окончится неизлѣчимыми болѣзнями. И такъ восполненіе и не всегда, и не вполнѣ есть благо, но польза отъ него бываетъ только для чего-либо, когда-либо, въ извѣстной мѣрѣ и качествѣ. Точно также каждый найдетъ, что и мыслимое какъ противоположность сему, говорю о лишеніи, опасно для подвергающихся ему, если превыситъ мѣру полезности; и наоборотъ небезполезно, если будетъ употреблено какъ должно, и если для полезнаго дѣйствія лишенія будутъ приняты во вниманіе и время и количество и качество. И такъ, поелику видъ сей жизни, которою живемъ, не соотвѣтствуетъ характеристическому свойству блага, то на основаніи вышесказаннаго должно признать, что преставленіе отъ сей жизни не есть разлученіе съ какимъ либо благомъ. Ибо ясно, что истинное, собственное и главное благо не есть ни лишеніе, ни восполненіе, чтò, какъ доказано, полезно когда-либо и для чего-либо и при извѣстныхъ случаяхъ; а сіе не соотвѣтствуетъ характеру истинно сущаго блага.

Поелику же истинное благо благу неистинному противоположно, и между сими двумя противоположностями нѣтъ средины, то слѣдуетъ признать, что удаляющіеся отъ неистиннаго блага представляются отсюда къ благу существенному, которое всегда, вездѣ и во всемъ есть благо, а не въ извѣстное

только время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ извѣстномъ отношеніи, но всегда пребываетъ одинаковымъ и тожественнымъ. Итакъ къ сему благу переходитъ душа отъ плотной жизни, перемѣняя настоящее состояніе жизни на нѣкое иное; точно уразумѣть это состояніе, каково оно, для соединенныхъ съ плотію невозможно, но чрезъ отъятіе признаковъ сей жизни возможно при помощи аналогіи составить нѣкоторую догадку о немъ. Оно уже не будетъ соединено съ тѣлесною грубостію; жизнь не будетъ зависѣть отъ равновѣсія противоположныхъ стихій, равномерное взаимное бореніе которыхъ производитъ нашъ составъ и здоровье; ибо избытокъ или недостатокъ какой-либо изъ противоположныхъ (стихій) причиняетъ страданіе и болѣзнь въ нашей природѣ. Въ томъ состояніи ни лишеніе не будетъ нисколько истощать, ни отягощеніе обременять; жизнь будетъ совершенно независима и отъ всѣхъ невзгодъ воздуха, разумію морозы и жары, и свободна отъ всего того, что мы представляемъ въ видѣ смѣны противоположностей. Душа будетъ тамъ, гдѣ жизнь свободна отъ всѣхъ необходимыхъ трудовъ и не обречена имъ. Она не будетъ страдать отъ тяжести земледѣланія, подвергаться трудамъ мореплаванія, заниматься торговымъ барышничествомъ; чуждая заботъ о постройкѣ, о тканьѣ, о ремеслен-

ныхъ искусствахъ, она будетъ проводить *тихое и безмолвное житіе*, какъ говоритъ Павелъ (1 Тим. 2, 2.), не сражаясь на конѣ, ни на кораблѣ, не бросаясь въ рукопашный бой въ рядахъ пѣхоты, не заботясь о приготовленіи оружія, не собирая податей, не устроая ни рововъ, ни стѣнъ; все это для нея не нужно, и отъ всего этого она свободна. Ни для ней нѣтъ заботъ, ни другимъ она не доставляетъ ихъ; въ ея жизни нѣтъ мѣста рабству и господству, бѣдности, благородству и незнатности рода, скромному состоянію простыхъ людей и чиновному начальствованію и всякому подобному неравенству. Ибо необходимость всего этого уничтожается при отсутствіи нуждъ и при невещественности той жизни, въ которой главнымъ началомъ существованія души служитъ не усвоеніе чего-либо сухаго или влажнаго, но разумѣніе божескаго естества; вдыханіе же воздуха, какъ не сомнѣваемся, тамъ будетъ замѣнено общеніемъ съ истиннымъ и Святымъ Духомъ. Наслажденіе сими благами не будетъ смѣняться подобно тому, какъ въ сей жизни, то имѣніемъ ихъ, то лишеніемъ, то стремленіемъ къ нимъ, то отвращеніемъ, но будетъ всегда полнымъ, и никогда полнота его не будетъ ограничиваться насыщеніемъ. Ибо не отяготительно и ненасытимо духовное услажденіе; оно постоянно

безъ пресыщенія и избытка удовлетворяеть желаніямъ тѣхъ, кои пользуются имъ. Потому-то блаженна и непорочна оная жизнь, что не вводится уже чувственными удовольствіями въ заблужденіе при сужденіи о благѣ. Итакъ, что печальнаго въ обстоятельствѣ преставленія близкихъ намъ, которое возбуждаетъ нашу скорбь? То развѣ кто нибудь почитаетъ прискорбнымъ, что они переходятъ къ жизни чуждой страданій и заботъ, которой недоступна боль отъ ударовъ, гдѣ не страшны ни опасность отъ огня, ни раны отъ желѣза, ни несчастія отъ землетрясеній, кораблекрушеній, плѣна, ни нападенія плотоядныхъ звѣрей, ни жала и угрызения змѣй и ядовитыхъ животныхъ? Въ той жизни никто ни гордостію не надмѣвается, ни уничиженіемъ не попирается, ни дерзостію не свирѣпствуетъ, ни отъ боязни не приходитъ въ ужасъ, ни гнѣвомъ не пышетъ пылая яростію и бѣснуясь, ни дрожитъ отъ страха, когда не въ силахъ выдержать (гнѣвные) порывы начальника. Въ той жизни нѣтъ заботы о томъ, каковы нравы царей, каковы законоположенія, каковъ образъ мыслей тѣхъ, коимъ поручено начальство, какія предписанія, какъ велика ежегодная подать; много ли было дождя, не затопилъ ли онъ своимъ излишествомъ посѣвы, не уничтожилъ ли градъ надежды земледѣльцевъ, не изсушила ли уси-

лившаяся засуха всю растительность. И прочія бѣдствія жизни тамъ также не страшны: скорбь сиротства не печалитъ оной жизни; бѣдамъ вдовства тамъ нѣтъ мѣста; несуществуютъ тамъ и многоразличныя болѣзни тѣла, и зависть къ благоденствующимъ, и высокоуміе предъ бѣдствующими; все подобное свойственное здѣшной жизни изгнано. Равноправность и равенство законовъ, посредствомъ совершенной мирной свободы, обитаетъ въ обществѣ душъ, гдѣ каждый имѣетъ все, что уготовить для себя свободнымъ выборомъ.

А если вмѣсто лучшаго, кто либо по нѣкоторой неразумительности уготовить себѣ худшее, то въ этомъ смерть не повинна, потому что каждый по произволу впередъ избираетъ, что ему угодно. И такъ, о чемъ же печалятся оплакивающіе отшедшаго отъ сей жизни? И еслибы совлекшійся вмѣстѣ съ тѣломъ удовольствія и печали не былъ совершенно свободенъ отъ всякаго страстнаго расположенія, то онъ гораздо справедливѣе оплакивалъ бы остающихся здѣсь, кои испытываютъ тоже, что находящіеся въ темницѣ, но у которыхъ привычка къ тяжелой жизни и общее съ другими обитаніе во мракѣ произвело то, что они почитаютъ настоящее свое положеніе пріятнымъ и непечальнымъ; и они, быть можетъ, сожальютъ тѣхъ, кои

выводятся изъ темницы, не зная той свѣтлости, которая ожидаетъ освободившихся отъ мрака. Ибо если бы узнали то, чѣмъ можно видѣть подъ открытымъ небомъ, красоту воздуха, высоту неба, блескъ свѣтилъ, стройное движеніе звѣздъ, періодическое обращеніе солнца, теченіе луны, многовидную красоту растений на землѣ, пріятный видъ моря, когда тихій вѣтеръ слегка рябитъ гладкую и свѣтлую его поверхность, красоту какъ частныхъ такъ и общественныхъ городскихъ зданій, которыми украшаются знаменитые и великолѣпные города, — если бы это и подобное узнали содержащіеся въ темницѣ, то не стали бы оплакивать выводимыхъ прежде нихъ изъ заключенія, какъ будто лишившихся какого блага; такъ скорѣе должны бы думать находящіеся внѣ темницы о заключенныхъ еще тамъ, какъ о страждущихъ еще въ жалкой жизни. Такъ, кажется мнѣ, и освободившіеся изъ темницы этой жизни, если бы было имъ вполне возможно слезами высказать состраданіе къ злостраждущимъ, рыдали бы и плакали о тѣхъ, кто удерживается еще въ скорбяхъ сей жизни, о томъ, что они не видятъ премірныхъ и невещественныхъ красотъ, престоловъ и началъ, властей и господствъ, и воинствъ ангельскихъ и собраній и горняго града и пренебеснаго торжества *написанныхъ* (Евр. 12, 23). А превышающая и

все сіе Красота, которую, какъ указало неложное слово Божіе, *узрятъ чистіи сердцемъ* (Матѳ. 5, 8), превосходнѣе всего, чего бы ни надѣялись, и выше всего, что бы ни представили себѣ гадательно. И не одно это у насъ преставившіеся почли бы достойнымъ рыданій и печали, но и то, что, не смотря на толикія страданія, которыми полна жизнь, до такой степени вкоренилась въ людяхъ привычка къ скорбямъ, что прираженіе ихъ не только переносятъ они, какъ необходимую какую то обязанность, но даже заботливо стараются, чтобы сіи (скорби) продолжались навсегда. Ибо страстное влеченіе къ власти, къ богатству, и эта жадность къ наслажденіямъ и иное подобное составляющее предметъ заботъ, ради чего и вооруженіе и войны и взаимное убійство и всѣ добровольно совершаемыя бѣды и коварство,—все это не иное что, какъ нѣкоторая куча несчастій, которую съ заботливостію и усердіемъ произвольно вносятъ въ жизнь. Но преставившіеся не могутъ плакать, потому что имъ чуждо какъ это такъ и другое какое либо страдательное состояніе; они—умъ и духъ; отрѣшившись отъ плоти и крови они не имѣютъ свойства быть видимыми тѣми, кои облечены дебелостію тѣла; они не могутъ самолично убѣдить людей оставить ложное сужденіе о существующемъ. И такъ вмѣсто нихъ пусть говоритъ нашъ

умъ, и мы сколько возможно, мысленно отрѣшившись отъ тѣла и отдалившись душою отъ пристрастія къ веществу, скажемъ вмѣсто нихъ: О человѣкъ! всякій причастный чело-вѣческаго естества *вонми себя* по заповѣди Моисея (Втор. 4, 9) и точно узнай себя, кто ты, вникнувъ мыслію, что ты по истинѣ, и что видимое вокругъ тебя, дабы взирая на то, что внѣ тебя, не подумать, что видишь себя самага. Узнай отъ великаго Павла тща-тельно изучившаго это естество, что есть у насъ, какъ говоритъ онъ, одинъ внѣшній че-ловѣкъ, а другой внутренній, и что когда тотъ тлѣетъ, этотъ обновляется (2 Кор. 4, 16.). И такъ смотря на тлѣющаго не подумай, что видишь себя самага. Конечно и это тлѣнное будетъ нѣкогда свободно отъ тлѣнія, когда въ пакибытіи смертное и удоборазрушимое преобразится въ нетлѣнное и неразрушимое. Но то, что нынѣ является внѣ насъ, протекаетъ, переходитъ и истлѣваетъ. И такъ не на сіе должно взирать, потому что и на другое что либо изъ видимаго не слѣдуетъ обращать взоръ, но, какъ говоритъ Павелъ, мы не дол-жны смотрѣть на видимое (*видимая бо временна: невидимая же вѣчна*—ст. 18), но обративъ взоръ ума къ невидимому въ насъ, должны вѣрить, что истинно *мы* то, что недоступно познанію посредствомъ чувствъ.

И такъ познаемъ, по слову притчи, самихъ

себя; ибо знаніе самого себя бываетъ средствомъ очищенія грѣховъ происходящихъ отъ невѣдѣнія. Но желающему увидѣть самаго себя это сдѣлать не легко, если не придумаемъ, какъ сдѣлать возможнымъ невозможное. Ибо какъ относительно глазъ тѣлесныхъ, природа устроила такъ, что они, видя все другое, остаются невидящими себя самихъ; такимъ же образомъ и душа, испытывая все прочее, внимательно изучая и изслѣдуя то, что внѣ ея, лишена возможности видѣть саму себя. И такъ, что бываетъ съ глазами, тому пусть подражаетъ и душа. Ибо какъ глаза, поелику не дано имъ природою силы обращать зрительную дѣятельность на усмотрѣніе самихъ себя и видѣть себя, смотря на видъ и очертаніе своей орбиты въ зеркалѣ, посредствомъ отображенія усматриваютъ самихъ себя; такъ и душа должна взирать на собственное изображеніе, и что увидитъ въ очертаніи, въ которомъ она отображается, на то смотрѣть, какъ на свойственное себѣ. Но намъ должно немного измѣнить этотъ примѣръ, чтобы мысль соотвѣтствовала словамъ. Ибо что касается до изображенія въ зеркалѣ, то образъ вполне отображаетъ первообразъ; что же касается характеристическихъ чертъ души, то разумѣемъ напротивъ; ибо видъ души отображается соотвѣтственно красотѣ божественной. И такъ душа тогда съ точностію усматриваетъ

себя, когда взираетъ на свой Первообразъ. Что же есть Божество, которому уподобляется душа? Не тѣло, не очертаніе, не видъ, не величина, не плотность, не тяжесть, не мѣсто, не время, ни другое что подобное сему, что составляетъ признакъ вещественной твари: но по отъятіи всего сего и подобнаго, оставшее непременно должно разумѣть какъ нѣчто разумное и невещественное, неосязаемое и безтѣлесное и непротяженное. И такъ если таковы, какъ мы понимаемъ, характеристическія черты Первообраза, то конечно слѣдуетъ, что и душа образованная по виду онаго должна носить тѣже характеристическіе признаки, такъ что и ей должно быть невещественной и безвидной и разумной и безтѣлесной. Теперь размыслимъ, когда болѣе человѣческое естество приближается къ первообразной красотѣ, во время ли плотской жизни, или когда становится внѣ ея. Но каждому ясно, что какъ плоть будучи вещественною имѣетъ сродство съ этою вещественною жизнію, такъ и душа, тогда становится причастною разумной и невещественной жизни, когда отброситъ обдержажее ее вещество. И такъ какое же изъ сихъ состояній заслуживаетъ названія несчастія? Если бы тѣло было истиннымъ благомъ, то намъ слѣдовало бы печалиться при отрѣшеніи отъ плоти, такъ какъ при удаленіи нашемъ изъ нея, вмѣ-

стѣ съ тѣломъ мы конечно лишились бы и сродства съ благомъ. Поелику же превышающее всякое, какое ни помыслимъ, Благо, по образу котораго мы созданы, разумно и безтѣлесно, то слѣдуетъ намъ быть увѣренными, что когда черезъ смерть переходимъ къ безплотности, то приближаемся къ тому естеству, которое чуждо всякой тѣлесной грубости, и снявъ съ себя плотяную оболочку, какъ бы какую гнусную личину, возвращаемся къ сродной намъ красотѣ, по которой были образованы отъ начала, будучи созданы по образу Первообраза. А таковая мысль должна бы быть поводомъ къ радости, а не къ унынію для тѣхъ, кои признають, что человѣкъ, исполнившій это необходимое служеніе, живетъ уже не въ чуждой ему области, когда, отдавъ каждой изъ стихій принадлежащее ей, что отъ нихъ собрано, восходитъ къ сродному себѣ и естественному жилищу, чистому и безтѣлесному. Ибо подлинно чуждо и несродно безтѣлесному естеству вещество тѣла, съ которымъ по необходимости соединенный въ сей жизни умъ тяготится, живя вмѣстѣ съ нимъ какъ бы иноземною для себя жизнію. Потому что взаимное сочетаніе стихій подобно нѣкоторымъ разноязычнымъ и чуждымъ по нравамъ людямъ, составляющимъ изъ различныхъ народовъ одно государство, производитъ насильственное и несогласное обще-

ніе, такъ какъ каждую изъ нихъ собственная природа влечетъ къ сродному и родственному ей. А умъ, примѣшанный къ нимъ, будучи несложнымъ по своему простому и единовидному естеству, живетъ какъ бы среди иноземцевъ и чужихъ, будучи не сроденъ съ окружающею его множественностію стихій; онъ какою то необходимостію всѣянный среди тѣлесной многочастности, дѣлаетъ насиліе своему естеству, соединяясь съ инородными ему.

Когда же стихіи чрезъ взаимное разрѣшеніе естественно влекутся къ тому, что сродно и родственно каждой изъ нихъ, наше чувство при необходимомъ расторженіи и раздѣленіи соединеннаго страдаетъ; разумная же сила души раздѣляетъ это чувство, по привычкѣ будучи склонна къ тому естеству, которое всегда ее удручало. Но умъ тогда перестанетъ тяготиться и страдать, когда будетъ находиться внѣ борьбы имѣющей мѣсто при сплетеніи противоположныхъ стихій. Ибо когда холодъ будетъ побѣжденъ преобладаніемъ тепла, или наоборотъ, теплота исчезнетъ отъ усиленія холода, когда влага уступитъ мѣсто усилившейся сухости, или плотность сухаго начала разрѣшится отъ умноженія влажности, тогда съ прекращеніемъ въ насъ брани смертію, умъ получитъ миръ; оставивъ мѣсто брани, говорю о тѣлѣ, и удалившись изъ

среды взаимно борющихся стихій, онъ будетъ жить самъ по себѣ, возвративъ чрезъ успокоеніе утружденную въ сплетеніи тѣла свою силу.

Это и подобное говоритъ умъ живущимъ въ тѣлѣ, произнося почти такую рѣчь: Люди, ни того, среди чего вы находитесь, точно не знаете, ни того, куда переселитесь, еще не разумѣете. Ибо настоящаго, каково оно есть по естеству, мысль не возмогла еще изслѣдовать, но обращаетъ вниманіе на одно привычное въ жизни, не будучи въ состояніи узнать: въ чемъ состоитъ естество тѣла? Въ чемъ сила чувствъ? Какъ устроены органическіе члены? Какое строеніе внутренностей? Въ чемъ состоитъ самоподвижная дѣятельность нервовъ? Какъ находящееся въ насъ становится то твердымъ естествомъ костей, то свѣтовиднымъ существомъ блестящаго глаза? Какъ изъ той же самой пищи и того же самаго питья, одна часть утончается въ волоса, а другая расширяется въ ногти на оконечностяхъ пальцевъ? Или какъ въ сердцѣ всегда пламенѣетъ огонь, жилами разносимый по всему тѣлу? Или, какъ то, что мы пьемъ, когда входитъ въ печень, измѣняетъ и свой видъ и качество, посредствомъ нѣкотораго измѣненія само собою превращаясь въ кровь? Знаніе всего этого до настоящаго времени недоступно, такъ что мы не знаемъ жизни,

которою живемъ. А жизнь отрѣшенную отъ чувствъ живущіе при помощи чувствъ, совершенно не могутъ увидѣть. Ибо, какъ кто либо посредствомъ чувства увидитъ то, что недоступно чувству? Итакъ, если и та и другая жизнь равно неизвѣстна; эта,—потому что мы смотримъ только на одно являющееся намъ, а та—потому что чувство не можетъ изслѣдовать ее: то почему страдаете люди, за эту держась какъ за благо, хотя и не зная ея, а той боясь и страшась какъ тяжелой и достойной страха?—не по чему другому, какъ потому только, что не знаете, какова она. Однакожъ изъ чувственно являющагося намъ и невѣдомаго много и другаго такого, чего мы не боимся. Каково естество того, что является на небѣ, или что сообщаетъ небеснымъ тѣламъ противоположное движеніе, что поддерживаетъ плотность земли, какъ текучее естество вода всегда исходитъ изъ земли, а земля не истощается,—этого и другаго подобнаго мы не знаемъ, но не считаемъ незнаемаго заслуживающимъ страха. Такъ и относительно онаго всякій умъ превышающаго, божественнаго, блаженнаго и непостижимаго естества, тому, что оно есть, вѣримъ, а въ чемъ заключается сущность его, того даже сколько нибудь гадательно уразумѣть еще не дано; и однакожъ мы любимъ, отъ всего сердца и души и силы, невѣдомое и не могущее быть

понятимъ мыслию. И такъ почему же является этотъ бессмысленный страхъ большею частью только относительно жизни, ожидающей насъ послѣ сей жизни, и отъ одного незнанія мы боимся того, чего не знаемъ, подобно тому какъ бываетъ съ младенцами, пугающимися неимѣющихъ дѣйствительности вымысловъ? Желаящій видѣть истину того, что есть, во первыхъ старается уразумѣть предметъ; за тѣмъ размышляетъ, каковъ онъ есть по естеству, полезное что либо и удободоступное, или опасное и отвратительное. А что совершенно неизвѣстно и невѣдомо, то какъ кто либо изъ имѣющихъ умъ станетъ почитать опаснымъ, и потому только, что оно далеко отъ привычнаго намъ, подозрительно смотрѣть на него какъ бы на приближеніе какого либо огня или звѣря? Однакоже жизнь ясно учитъ насъ не всегда смотрѣть на то, что привычно, но обращать желанія къ тому, что хорошо. Ибо и люди образуясь не постоянно живутъ въ видѣ зародыша; но пока находятся въ утробѣ, природа дѣлаетъ для нихъ жизнь во чревѣ пріятною и соотвѣтственною; когда же родятся, не навсегда остаются у сосцевъ, но насколько по несовершенству возраста это хорошо и соотвѣтственно; а послѣ сего переходятъ къ другой, далѣе слѣдующей жизни, нисколько не повинуясь привычкѣ, чтобы оставаться при

груди. За тѣмъ послѣ состоянія младенчества наступаютъ иныя занятія юношей, и иныя болѣе возрастныхъ, къ которымъ послѣдовательно переходитъ человѣкъ, безъ печали переменяя вмѣстѣ съ возрастами и привычку.

И такъ какъ питаемый во чревѣ матери, если бы у него былъ какой нибудь голосъ, вознегодовалъ бы, будучи чрезъ рожденіе изгоняемъ изъ утробы, и вопіялъ бы, что онъ терпитъ бѣдствіе, будучи отторгаемъ отъ пріятнаго ему рода жизни (что онъ и дѣлаетъ, при первомъ вздохѣ вмѣстѣ съ рожденіемъ испуская слезу, какъ бы негодуя и рыдая объ отторженіи его отъ привычной жизни), такъ, кажется мнѣ, скорбяшіе о переходѣ изъ настоящей жизни, когда желаютъ постоянно жить въ области этой вещественной непріятной жизни, испытываютъ тоже, что утробные младенцы. Ибо послѣ того какъ болѣзнь смертельная родитъ людей для иной жизни, они какъ скоро перейдутъ на оный свѣтъ, и вдохнуть чистый воздухъ, опытомъ дознаютъ, какъ велико различіе той жизни отъ нынѣшней. А находящіеся въ этой влажной и гнилой жизни, будучи просто зародышами, а не людьми, сожалеютъ объ изшедшемъ изъ обдергающей насъ тѣсноты, какъ о лишившемся какого-то блага, не зная, что у него, подобно тому какъ у родившагося младенца, тогда отверзается око, когда онъ становится внѣ

того, что нынѣ его отовсюду объемлетъ (разумѣть же конечно должно око души, которымъ она прозираетъ истину сущаго); отверзается у него также и чувство слуха, посредствомъ котораго слышитъ онъ неизреченныя *млаволы*, *ихъ же не лтъ есть челоуьку глаголати* (2 Кор. 12, 4); отверзаются и уста и привлекаютъ чистый и невещественный воздухъ, которымъ укрѣпляется ихъ разумный гласъ и истинное слово, когда присоединятся къ гласу празднующихъ въ ликѣ святыхъ; удостоивается также и вкушенія божественнаго, посредствомъ котораго познаетъ, по слову псалмопѣнія, *яко благъ Господь* (Пс. 39, 9.); получаетъ способность обонянія, которою воспринимаетъ благоуханіе Христово; пріобрѣтаетъ также душа и силу осязанія, касаясь истинѣ и осязая *Слово*, по свидѣтельству Юанна (1 Юан. 1, 1.). Итакъ, если это и подобное предлежитъ людямъ, послѣ рожденія путемъ смерти, то чгѣ значатъ плачь и скорбь и уныніе? Пусть отвѣтитъ намъ теперь испытатель естества вещей, ужели онъ предпочитаетъ, въ сужденіи о благѣ быть вводиму въ заблужденіе тѣлесными чувствами, чѣмъ чистымъ окомъ души взирать на самую истину вещей? Здѣсь на землѣ душѣ настойтъ какая-то необходимость, въ понятіи о благѣ подчиняться чуждому сужденію. Поелику совершенство душевныхъ силъ несовмѣстимо съ мла-

денческимъ тѣломъ, а совершенство дѣятельности чувствъ является тотъ часъ съ рожденіемъ дитяти, то посему чувства предупреждаютъ разсудокъ въ сужденіи о благѣ; и что оказалось для чувствъ пріятнымъ, что онѣ почти благомъ, и что усвоили привычкою, то душа безъ испытанія признаетъ за таковое же, на вѣру принимая за благо, что признало имъ предшествующее размышленію чувство, которое видитъ благо въ краскахъ и сокахъ и тому подобныхъ глупостяхъ. Такъ какъ все это уже не явится намъ по отшествіи изъ тѣла, то вполне необходимо, чтобы душѣ явилось истиннымъ благомъ то, съ чѣмъ она сродна по естеству. Ибо ни зрѣніе не обольстится пріятнымъ цвѣтомъ, когда не будетъ уже этого глаза, ни воля не будетъ равномерно склоняться къ чему либо услаждающему чувства, когда всякое тѣлесное ощущеніе угаснетъ. Когда же одна только разумная дѣйственная сила невещественно и безтѣлесно будетъ касаться умопостигаемой красотѣ, то естество наше невозбранно восприметъ собственное себѣ благо, которое не есть ни цвѣтъ, ни очертаніе, ни разстояніе, ни количество, но то, что превосходитъ всякое гадательное уподобленіе.

Итакъ, что же, скажетъ можетъ быть кто либо сожалѣющій о настоящей жизни? Къ чему это тѣло, и для чего оно намъ, если,

какъ доказываетъ твое слово, жизнь безъ него лучше? Таковому скажемъ, что тотъ, кто въ состояніи обзрѣть все домостроительство естества, откроетъ и въ тѣлѣ не малую пользу. Дѣйствительно, блаженна оная ангельская жизнь, неимѣющая никакой нужды въ бремени тѣла; но и жизнь въ тѣлѣ не безцѣльна по отношенію къ ней; ибо жизнь настоящая бываетъ путемъ къ чаемому нами. Такъ мы видимъ и въ растеніяхъ; въ нихъ плодъ, получивъ начало отъ цвѣта, при посредствѣ его достигаетъ того, что становится плодомъ; и злаки, раждающіеся отъ сѣмянъ, такъ же не тотъ часъ являются въ видѣ колоса, но растеніе сначала бываетъ злакомъ; потомъ, отъ этаго злака, съ его истлѣніемъ, происходитъ стебель и такимъ образомъ на вершинѣ колоса вырѣзываетъ плодъ. Однакожь не осуждаетъ этаго необходимаго порядка и послѣдованія земледѣлецъ, говоря: зачѣмъ цвѣтъ, и притомъ прежде плода? Или къ чему злакъ прежде вырастающій изъ сѣмени, когда и цвѣтъ отпадаетъ и злакъ понапрасну засыхаетъ, не принося никакой пользы для питанія человѣка? Потому что знаетъ разумѣющій чудодѣйствіе природы, что изъ сѣмянъ и растеній плодъ можетъ образоваться не иначе, какъ этимъ ведущимъ къ образованію его путемъ искусной послѣдовательности. Изъ-за того, что вырастающій изъ сѣмянъ злакъ бесполе-

зень для нашего употребленія, нельзя еще назвать происходящее съ растеніемъ излишнимъ и безцѣльнымъ. Имѣющій нужду въ пищу обращаетъ вниманіе на то только, что ему потребно; а законъ природы имѣетъ въ виду не иное что, какъ то, чтобы посредствомъ установленной послѣдовательности, довести до конца созрѣніе плода. Для сего во первыхъ, природа облекаетъ лежащее въ землѣ сѣмя многосложными корешками, посредствомъ которыхъ оно извлекаетъ изъ влаги соотвѣтственную себѣ пищу; затѣмъ произращаетъ злакъ, прикрывая зеленью корень отъ вредоноснаго дѣйствія воздуха. Хотя этотъ злакъ не есть плодъ, но составляетъ нѣкотораго рода содѣйствіе и путь къ образованію плода. Прежде всего выдѣляя заключающуюся въ сѣмени силу, природа производитъ злакъ, повидимому излишній для плода, покрывая имъ корень отъ вредоносныхъ дѣйствій воздуха, происходящихъ отъ холода и зноя. Когда же сѣмя своими корешками прочно укрѣпилось въ глубинѣ, тогда, оставивъ заботу о злакѣ, такъ какъ корень уже не имѣетъ нужды въ прикрытіи, природа всю силу сосредоточиваетъ на произращеніи стебля; художественною какою-то мудростію, она искусно устрояетъ трубкообразный приборъ, при помощи котораго стремящееся въ верхъ растеніе, облекается вокругъ наложенными

одинъ на другой покровами; ибо необходимо, чтобы въ началѣ жизнь влажнаго и слабаго стебля поддерживалась этими покровами, ради прочности связанными извнутри соединяющими плевами. Когда же стебель достигнетъ соотвѣтственной высоты, является плодъ; крайній покровъ выпускаетъ изъ себя колось, который будучи раздѣленъ волосообразно на многія ости, у основанія каждой изъ нихъ скрываетъ и питаетъ плодъ. Итакъ, если земледѣлецъ не досадуетъ ни на корешки пробивающіеся изъ сѣмянъ, ни на злакъ растающій изъ сѣмени, ни на ости колоса, но во всемъ этомъ усматриваетъ нѣчто необходимо нужное, посредствомъ чего искусно идущая своимъ путемъ природа производитъ образованіе плода, отстраненіемъ ненужнаго возвышая производительную силу; то и ты не долженъ досадовать на то, что естество наше необходимыми путями приходитъ къ своему концу, но по сходству съ тѣмъ, что видишь въ сѣмени, долженъ думать, что настоящее всегда имѣетъ несомнѣнно полезную и необходимую цѣль для чего либо инаго, а не само служить цѣлью, ради которой мы произошли. Ибо. не въ видѣ зародышей назначилъ намъ оставаться Создатель, и не младенческая жизнь служить цѣлью нашего естества, и не слѣдующіе за нею возрасты, въ кои всегда попеременно природа облакаетъ

насъ, измѣняя съ теченіемъ времени нашъ видъ, и не происходящее отъ смерти разрушеніе тѣла; но все это и подобное—части того пути, которымъ мы идемъ; цѣль же и предѣлъ такого шествія — возстановленіе въ первобытное состояніе, которое есть не иное что, какъ уподобленіе Божеству. И какъ мы видѣли въ примѣрѣ колоса, по закону природы оказался необходимымъ и вырастающей изъ сѣмени злакъ, хотя и не для него существуетъ земледѣліе, и не растительные покровы и ости и стебель и пленки служатъ предметомъ, для котораго трудится земледѣлецъ, но питательный плодъ, достигающий зрѣлости при помощи ихъ; такъ и отъ жизни ожидаемый конецъ есть блаженство. А все что нынѣ усматриваемъ въ тѣлесной жизни, — смерть, и старость, и юность и образованіе въ утробѣ, все это какъ бы нѣкоторые злаки и ости и стебли, есть нуть и послѣдованіе и сила чаемаго совершенства. Имѣя въ виду сіе совершенство, ты, если благоразуменъ, не будешь ни питать вражды къ жизни, ни страстной любви и привязанности къ ней, такъ что не станешь ни печалиться лишаясь ея, не самовольно спѣшнвъ къ смерти. Не бесполезно также, можетъ быть, присовокупить къ сказанному нами (хотя и покажется, что мы нарушаемъ послѣдовательность) и то, что природа постоянно заботится о смерти, и съ жизнію

текущую впередъ во времени, непременно соединяетъ смерть. Такъ какъ жизнь отъ прошедшаго постоянно движется къ будущему и никогда не возвращается назадъ, то необходимое слѣдствіе, тѣсно соединенное съ дѣятельностію жизни, есть смерть; ибо въ прошедшемъ времени совершенно прекращается всякое жизненное движеніе и энергія. Итакъ поелику свойство смерти недѣятельность и отсутствіе энергіи, а это мы всегда непременно находимъ позади жизненной энергіи (въ прошедшемъ), то не чуждо истинѣ сказать, что съ этою жизнію сопряжена смерть. И инымъ еще образомъ намъ можно подтвердить истину этой мысли, такъ какъ самый опытъ свидѣтельствуетъ въ пользу того положенія, что сегодняшній человѣкъ не тотъ же самый что вчерашній, по вещественному составу, но дѣйствительно нѣчто въ немъ постоянно умираетъ и гніетъ и тлѣетъ и извергается, природа какъ бы изъ своего дома (говорю о составѣ тѣла) выноситъ мертвенное зловоніе и предаетъ землѣ, что лишилось уже жизненной силы.

Такимъ образомъ мы, по слову великаго Павла, *по вся дни* умираемъ (1 Кор. 15, 31.), не оставаясь постоянно тѣми же самыми въ томъ же домѣ тѣла, но каждый разъ дѣлаясь другими чрезъ прибавленіе и отдѣленіе, какъ бы постоянно измѣняясь въ новое тѣло.

Итакъ, за чѣмъ же чуждаемся смерти, которая, какъ доказано, служить предметомъ постоянной заботы и упражненія, для плотской жизни? А говоря о снѣ и пробужденіи, не указываемъ ли опять на сочетаніе смерти съ жизнью? Не угасаетъ ли у спящихъ ощущеніе, а пробужденіе не представляетъ ли намъ собою снова дѣйствіе ожидаемаго воскресенія.

Но предметъ нашего изслѣдованія еще не выясненъ тѣмъ, что мы сказали, такъ какъ вводныя мысли отвлекли нашу рѣчь къ разсужденію о другомъ. Итакъ возвратимся опять къ прежнему положенію, что для надежды ожидаемыхъ нами благъ не бесполезно и тѣлесное естество. Ибо, если бы мы оставались тѣми, чѣмъ были отъ начала, то конечно не имѣли бы нужды въ кожаной ризѣ (Быт. 3, 22.), такъ какъ освѣщало бы насъ уподобленіе Божеству. Божественный же образъ, который являлся въ насъ въ началѣ, не былъ особенностію, имѣющею какое либо очертаніе или цвѣтъ, но въ чемъ усматривается божественная красота, тѣмъ украшался и человѣкъ, отображая первообразную благодать безстрастіемъ, блаженствомъ и нетлѣніемъ. Поелику же обольщенный врагомъ нашей жизни, человѣкъ добровольно возымѣлъ склонность къ скотскому и неразумному, то для неразумительныхъ могло бы показаться полезнымъ, помимо его воли отвлечь

его отъ зла, и насильно возвратить къ совершенству. Но Зиждителю естества казалось бесполезнымъ и несправедливымъ, подобнаго рода распоряженіемъ нанести естеству (нашему) ущербъ въ величайшемъ изъ его благъ. Человѣкъ былъ богоподобенъ и блаженъ, потому что удостоенъ свободной воли (такъ какъ самодержавіе и независимость есть свойство божескаго блаженства), то насильственно и по неволѣ вести его къ чему нибудь, значило бы отъять у него это достоинство. Если бы человѣческое естество добровольно, по движенію свободной воли устремившееся къ чему либо не приличному, насильственно и принудительно отдалить отъ того, что ему понравилось, то это было бы отъятіемъ блага, которое оно имѣло прежде, и лишеніемъ богоподобной чести; ибо свобода воли есть подобіе Богу. Итакъ, чтобы и свобода осталась у нашего естества, и зло было уничтожено, мудрость Божія примыслила такое средство: попустить человѣку остаться съ тѣмъ, чего пожелалъ, чтобы вкусивъ зла, котораго вожделѣлъ, и узнавъ опытомъ, что на что прѣмѣнялъ, снова добровольно сильнымъ желаніемъ востекъ къ прежнему блаженству, отринувъ отъ своего естества все страстное и неразумное, какъ бы какое бремя, очистившись или въ настоящей жизни молитвою и любомудріемъ, или послѣ преставленія от-

сюда, пещію очистительнаго огня. Какъ врачъ, при помощи науки, вполне свѣдущій въ томъ, что полезно и вредно для здоровья, если совѣтуя мальчику приличное (лѣкарство) не въ состояніи предупредить, чтобы онъ, несовершенноый по возрасту и разумѣнію, не увлекся какимъ либо вредоноснымъ плодомъ или зеленью, то имѣя въ готовности всякаго рода противоядія, попускаетъ дитяти вкусить того, что ему вредно, съ тою цѣлію, чтобы испытавъ боль, онъ узналъ пользу отеческаго совѣта, и чтобы возбудивъ въ отрокѣ сильное желаніе выздоровленія, опять при помощи лѣкарствъ возстановить его здоровье, котораго онъ лишился отъ неумѣстнаго влеченія къ вредоносному; такъ нѣжный и добрый Отецъ нашего естества, зная, что для насъ спасительно, зналъ и то, что вредоносно человѣку, и не совѣтовалъ ему касаться послѣдняго; когда же возоблаговождельніе худшаго, у Него не оказалось недостатка въ хорошихъ противоядіяхъ, при помощи которыхъ можно было опять возвратить человѣка къ прежнему здравію. Ибо когда человѣкъ это вещественное удовольствіе предпочелъ радости душевной, Богъ по видимому какъ бы содѣйствовалъ ему въ семь стремленіи посредствомъ кожаной одежды, которою одѣлъ его по причинѣ склоненія его къ злу, и съ которою примѣшались

человѣку свойства неразумнаго естества. Мудростию Устрояющаго лучшее, чрезъ то, что сему противоположно, уготована для разумнаго естества одежда изъ свойствъ неразумныхъ животныхъ. Кожаная одежда, нося въ себѣ всѣ свойства, которыя соединены съ неразумнымъ естествомъ, — сластолюбіе и гнѣвъ и обжорство и жадность и тому подобныя, представляетъ человѣческой свободѣ путь склоняться на ту или другую сторону, будучи веществомъ какъ для добродѣтели, такъ и для порока. Ибо человѣкъ въ настоящей жизни движеніемъ свободной воли можетъ избирать и то и другое, если отрѣшится отъ свойственнаго неразумному естеству и обратитъ взоръ на себя самаго, чрезъ болѣе достойную жизнь содѣлаетъ настоящую жизнь чистою отъ примѣшавшагося къ ней зла, разумомъ одолѣвая неразумность; если же склѣнится къ неразумному влеченію страстей, употребивъ какъ содѣйствіе страстямъ кожу безсловесныхъ, то инымъ способомъ послѣ сего будетъ наученъ лучшему, когда по отшествіи изъ тѣла, различіе добродѣтели отъ порока дознаетъ онъ изъ невозможности быть причастникомъ Божества, если только очищающій огонь не очиститъ примѣшавшейся душѣ скверны.

Вотъ что сдѣлало для насъ необходимымъ и потребнымъ тѣло, чрезъ которое и свобода

сохраняется въ цѣлости и возвратный путь къ благу не возбраняется, но чрезъ известное продолженіе времени возникаетъ въ насъ добровольное склоненіе къ лучшему. Одни уже здѣсь, въ продолженіи жизни во плоти, преуспѣли въ жизни духовной, въ безстрастіи; таковы, какъ известно, были патріархи и пророки, а вмѣстѣ съ ними и послѣ нихъ посредствомъ добродѣтели и любомудрія востекшіе къ совершенству, — разумію учениковъ, апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ жизнь добродѣтельную предпочетшихъ жизни вещественной; (всѣ они) хотя и меньше числомъ множества текущихъ къ худому, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о возможности и во плоти преуспѣть въ добродѣтели. Прочіе же путемъ исправительнаго воспитанія въ послѣдующей жизни, отрѣшившись въ очистительномъ огнѣ пристрастія къ веществу, посредствомъ свободнаго вождѣленія того, что благо, возвратятся къ предназначенной отъ начала въ удѣлъ нашему естеству благодати. Ибо не на вѣкъ остается въ естествѣ вождѣленіе того, что чуждо ему; посему-то cadaго пресыщаетъ и отягощаетъ ему несвойственное, съ чѣмъ въ началѣ не имѣло общенія естество само по себѣ; а одно сродное и однородное навсегда остается вождѣленнымъ и любимымъ, до тѣхъ поръ, пока естество пребудетъ неизмѣннымъ само

въ себѣ. Если же потерпитъ какое-либо извращеніе отъ злой воли, тогда возникаетъ въ немъ вождѣленіе того, что ему чуждо, наслажденіе чѣмъ доставляетъ удовольствіе не естеству, но страсти естества; когда же страсть не имѣетъ мѣста, вмѣстѣ съ нею нѣтъ мѣста и вождѣленію того, что несвойственно естеству, и опять для него дѣлается вождѣленнымъ и близкимъ — собственное ему; а таково чистое и невещественное и безтѣлесное, что, не ошибется кто-либо, назвавъ свойствомъ все превосходящаго Божества. Ибо, какъ для глазъ тѣлесныхъ, когда какое нибудь острое гное-теченіе повредитъ зрительные нервы, бываетъ пріятенъ мракъ, по причинѣ сродства густоты (гноя) со мракомъ, а если отъ леченія исчезнетъ то, что затрудняло зрѣніе, то свѣтъ опять становится сроднымъ и пріятнымъ, смѣшиваясь съ чистотою и свѣто-видностію зрачка; такимъ же образомъ, поелику чрезъ оболъщеніе противникомъ, зрѣніе души затекло зломъ, какъ бы какимъ гноемъ, разумъ добровольно получилъ наклонность къ темной жизни, чрезъ страсти сроднившись съ мракомъ. *Всякъ бо дѣлая злая ненавидитъ свѣта*, говоритъ слово Божіе (Іоан. 3, 20.). Когда же зло исчезнетъ изъ области сущаго и опять приведется въ не сущее, естество наше снова съ удовольствіемъ

будетъ взирать на свѣтъ, по устраненіи того, что застилало гноемъ чистоту души. Итакъ сказаннымъ нами доказано, что неразсудительно относиться враждебно къ естеству плоти, ибо не отъ нея зависитъ причина зла; если бы это было такъ, то зло имѣло бы одинаковую силу у всѣхъ, получившихъ въ удѣлъ тѣлесную жизнь.

Но поелику изъ упомянутыхъ нами мужей, каждый и во плоти былъ, и порочнымъ не былъ, то изъ сего ясно, что не тѣло причина страстей, но свободная воля, производящая страсти. Ибо тѣло движется соотвѣтственно своей природѣ, направляя свои стремленія къ тому, что служить къ сохраненію его состава и продолженію (жизни). Такъ напримѣръ: оно нуждается въ пищѣ и питьѣ, чтобы по истощеніи силы, снова восполнить ея недостатокъ; къ этому направлено влеченіе природы. Опять, чрезъ преемство путемъ рожденія, естество тѣла будучи смертнымъ становится (какъ бы) безсмертнымъ; посему и къ этой цѣли въ немъ есть соотвѣтственное стремленіе. Кромѣ сего, такъ какъ тѣло сотворено нагимъ и лишеннымъ покрова волосъ, то мы имѣемъ нужду въ наружномъ одѣяніи. Также, не будучи въ состояніи выносить жара, холода и дождя, мы ищемъ крова домовъ. Кто разумно смотритъ на эти и подобныя потребности, тотъ спокойно принимаетъ каждую

изъ нихъ, цѣлью стремленій поставляя необходимое: домъ, одежду, супругу, пищу,—всѣмъ этимъ удовлетворяя нуждамъ природы. А рабъ удовольствій необходимыя потребности дѣлаеть путями страстей; вмѣсто пищи ищетъ наслажденій чрева; одеждѣ предпочитаетъ украшенія; полезному устройству жилищъ—ихъ многоцѣнность; вмѣсто чадороженія обращаетъ взоръ къ незаконнымъ и запрещеннымъ удовольствіямъ. Посему-то широкими вратами вошли въ человѣческую жизнь и любостыжаніе и извѣженность и гордость и суетность и разнаго рода распутство. Все это и подобное, какъ бы какія ненужныя отпрыски и вѣтви, приросло къ необходимымъ потребностямъ, потому что естественное стремленіе перешло границы нужды и приняло широкіе размѣры у тѣхъ, кои заботятся о томъ, что ни къ чему не полезно. Ибо, что общаго имѣетъ съ пользою доставляемою пищею чеканная серебряная посуда, разцвѣченная золотомъ и камнями? Или какая нужда для одѣянія въ тканьѣ золотомъ и въ яркоцвѣтной пурпуровой ткани, и въ живописи ткачей, посредствомъ которой эти художники изображаютъ на хитонахъ и одеждахъ и битвы и звѣрей и тому подобное? Сотоварищемъ роскоши явилась болѣзнь любостыжанія; ибо чтобы имѣть для нея готовыя средства и возможность, матеріалъ для при-

обрѣтенія желаемого получаютъ отъ любостыжанія. А любостыжаніе открыло путь невѣрности; оно, по слову Соломона, есть сокрушенный сосудъ (Притч. 23, 27.), который, сколько бы его ни наполняли водою, постоянно оказывается пустымъ. Такимъ образомъ не тѣло производитъ стремленіе къ злу, но свободная воля, которая цѣлесообразную потребность извращаетъ въ вождѣленіе того, что не дозволено. Итакъ, да не порицаютъ люди неразумительные тѣло, которымъ въ послѣдствіи, чрезъ преобразование его возрожденіемъ въ превосходнѣйшее состояніе, украсится душа, когда смерть очиститъ его отъ излишняго и ненужнаго для наслажденія будущею жизнію. Ибо въ жизни будущей не будетъ пригодно то, что составляетъ для него потребность нынѣ, но устройство нашего тѣла будетъ сродно и соотвѣтственно наслажденію оною жизнію и стройно приспособлено къ пользованію ея благами. Представимъ примѣръ, потому что подобіемъ съ чѣмъ нибудь извѣстнымъ лучше можно объяснить нашу мысль. Глыба желѣза полезна для кузнечнаго искусства, служа въ необработанномъ видѣ наковальнею для кузнеца. Но когда нужно обработать желѣзо для какой-нибудь болѣе тонкой работы, тогда глыба тщательно очищается огнемъ и удаляется отъ нея все землистое и бесполезное, что

искусные въ этомъ дѣлѣ называютъ изгарью. И такимъ образомъ прежняя наковальня, будучи очищена переработкою, стала броней или другою какою тонкой работы вещью, очистившись чрезъ накаливаніе въ печи отъ того излишка, который, пока она была наковальнею, не почитался для тогдашняго употребленія излишнимъ; ибо и изгарь, входившая въ составъ глыбы, приносила нѣкоторую пользу, увеличивая массу желѣза. Примѣръ намъ повятежь; теперь примѣнимъ смыслъ, который мы усмотрѣли въ этомъ примѣрѣ, къ мысли, которую имѣемъ въ виду. Чтѣ это означаетъ? Въ естествѣ тѣла находится нынѣ много подобныхъ изгари качествъ, которыя хотя въ настоящей жизни имѣютъ нѣкоторую полезную цѣль, но совершенно бесполезны для ожидаемаго послѣ сей жизни блаженства и чужды ему. Итакъ, чтѣ бываетъ съ желѣзомъ въ огнѣ, когда плаvilная печь отстраняетъ все бесполезное, то совершается съ тѣломъ чрезъ смерть, когда чрезъ разрѣшеніе смертію отстраняется все излишнее. Для проникательныхъ, конечно, очевидно, чтѣ есть то, отъ чего очищается тѣло въ послѣдствіи, и отсутствіе чего въ настоящей жизни было бы вредомъ для нея. Впрочемъ для ясности мы скажемъ и объ этомъ въ немногихъ словахъ.

Согласно съ предложеннымъ примѣромъ,

глыбою назовемъ естественное желаніе, дѣйствующее во всѣхъ; изгарью пусть будетъ то, къ чему нынѣ влечется это желаніе: удовольствія, богатство, честолюбіе, властолюбіе, надменность и подобное. Всего этого и подобнаго тщательнымъ очищеніемъ бываетъ смерть. Желаніе, освободившись и очистившись отъ всего этого, обратитъ свою дѣятельную силу къ тому, что одно только достойно стремленія и вождѣленія и любви, не угасивъ совершенно природою вложенныя въ насъ къ сему стремленія, но измѣнивъ ихъ къ пользованію невещественными благами. Ибо тамъ любовь къ истинной красотѣ непрестающая; тамъ достохвальное любостязаніе сокровищъ мудрости, прекрасное и благое честолюбіе, — достигать общенія съ царствомъ Божиимъ, прекрасная страсть жадности, въ которой вождѣленіе блага никогда не пресѣкается пресыщеніемъ сими, все превосходящими, благами. И такъ знающій, что въ приличное время Художникъ всего переплавитъ глыбу тѣла въ оружіе благоволенія, сдѣлавъ изъ него и броню правды, какъ говоритъ Апостоль (Ефес. 6, 13—18.), и мечъ духа и шлемъ надежды и полное всеоружіе Божіе, любить свое тѣло по закону Апостола, который говоритъ, что никто свое тѣло *возненавидѣ* (Ефес. 5, 29.). Тѣло же нужно любить очищенное, а не изгарь, которая отвергается.

Ибо истинно говоритъ слово Божіе, что когда *земная наша хранина тѣла разорится*, тогда обрѣтемъ ее содѣлавшеюся созданиемъ *отъ Бога*, храниною нерукотворенною, вѣчною *на небесяхъ* (2 Кор. 5, 1.), достойною быть жилищемъ Божіимъ, въ духѣ. И никто мнѣ пусть не описываетъ свойства и очертанія и вида оной нерукотворенной хранины, по подобію свойствъ нынѣ въ насъ являющихся и отличающихъ насъ своими особенностями другъ отъ друга. Поелику не одно только воскресеніе проповѣдуетъ намъ слово Божіе, но божественное Писаніе ручается и въ томъ, что обновленные должны *измѣниться* воскресеніемъ (1 Кор. 15, 51. 52.); то вполне необходимо, чтобы для всѣхъ было сокровенно и невѣдомо, во что мы измѣнимся, такъ какъ въ настоящей жизни не усматривается никакого подобія съ чаемымъ. Ибо нынѣ, все грубое и твердое имѣетъ естественное стремленіе къ низу; тогда же тѣло по измѣненіи станетъ горѣ возносящимся, поелику слово Божіе говоритъ, что послѣ измѣненія естества во всѣхъ ожившихъ чрезъ воскресеніе, *восхищени будемъ на облацяхъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Солун. 4, 17.). Итакъ если у измѣнившихся не остается тяжести въ тѣлѣ, но преобразившіеся въ болѣе совершенное состояніе вмѣстѣ съ безплотнымъ естествомъ

воспаряють горѣ: то конечно и прочія свойства тѣла — цвѣтъ, видъ, очертаніе и всѣ другія въ частности такъ же измѣнятся въ нѣчто болѣе божественное. Почему не видимъ никакой необходимости допускать между измѣненными воскресеніемъ тоже самое различіе, какое теперь по необходимости имѣетъ наше естество отъ послѣдовательной смѣны его состояній. Что этого различія не будетъ, ясно доказать нельзя, потому что мы не знаемъ, во что чрезъ измѣненіе перейдутъ эти свойства. А что родъ всѣхъ будетъ одинъ, когда всѣ сдѣлаемся единымъ тѣломъ Христовымъ, воспріявъ одинъ образъ и видъ, въ томъ не сомнѣваемся, такъ какъ во всѣхъ равно будетъ сіять свѣтъ божественнаго образа. А что наше естество при измѣненіи приобрѣтетъ вмѣсто указанныхъ свойствъ, то будетъ, утверждаемъ мы, лучше всего, о чемъ только можетъ гадать наша мысль. Но чтобы наши слова объ этомъ не показались совершенно неосновательными, укажемъ на слѣдующее: поелику различіе половъ мужескаго и женскаго служить нашему естеству не для чего иного, какъ для дѣторожденія, то относительно сего предмета нѣкоторымъ достойнымъ обѣщаннаго Богомъ, Сокровищемъ благихъ, благословенія гаданіемъ, можетъ быть признано то, что родотворная сила естества измѣнится на служеніе тому дѣторожденію,

которому причастенъ былъ великій Исаія, сказавшій: *отъ страха Твоего, Господи, во чревь пріяхомъ и побольхомъ, и родихомъ духъ спасенія Твоего, егуже сотворихомъ на земли* (Иса. 26, 18.). Ибо если такое дѣторожденіе прекрасно и чадородіе бываетъ причиною спасенія, какъ говоритъ Апостоль (1 Тим. 2, 15.), то никто, однажды путемъ такого рожденія породившій себѣ обиліе благъ, никогда не перестанетъ рождать духъ спасенія.

Если же кто скажетъ, что отличительный видъ и образъ, который мы имѣемъ, при оживленіи опять останется у насъ тѣмъ же самымъ, то я не могу прямо согласиться съ этою мыслию, не разсмотрѣвъ, такъ ли это, или нѣтъ. Если кто скажетъ, что при оживленіи человѣкъ останется въ томъ же самомъ видѣ, то это понятіе приведетъ къ большой нелѣпости, потому что по виду и отличительнымъ чертамъ тотъ же человѣкъ не остается всегда однимъ и тѣмъ же, съ различіемъ возрастовъ и болѣзней принимая то тотъ, то другой видъ. Иной видъ имѣетъ младенецъ, и иной—отрокъ, иной—дитя, мужъ, человѣкъ средняго возраста, пожилой и старикъ. Каждый изъ сихъ возрастовъ отличается отъ другаго; различны такъ же пораженный желтухой, раздутый водяною, изсушенный чахоткою, отучившій отъ какого либо худосочія, стра-

дающій желчью, полнокровіемъ, обиліемъ дурныхъ влагъ; такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ видъ сообразный съ господствующимъ въ немъ болѣзненнымъ состояніемъ, то какъ не основательно думать, чтобы этотъ видъ остался и послѣ воскресенія (поелику измѣненіе все претворитъ въ видъ болѣе божественный), такъ и не удобно составить себѣ понятіе о томъ, каковъ будетъ болѣе совершенный нашъ видъ, поелику мы вѣримъ, что подлежащія намъ, чаемыя нами блага превыше зрѣнія, и слуха, и мысли. Еслиже кто скажетъ, что отличительнымъ видомъ каждаго будетъ качественное, нравственное свойство, тотъ не совсѣмъ ошибется. Ибо какъ теперь различіе отличительныхъ свойствъ въ каждомъ происходитъ отъ нѣкотораго измѣненія въ насъ стихій, такъ какъ свойственный каждому обликъ получаетъ (то или другое) очертаніе и цвѣтъ, смотря по увеличенію, или уменьшенію различныхъ стихій: такъ и въ той жизни, кажется мнѣ, будутъ сообщать каждому особенный обликъ не эти стихіи, но особенности порока или добродѣтели, качественное взаимное смѣшеніе которыхъ сообщитъ тотъ или иной отличительный характеръ виду. Нѣчто подобное бываетъ почти и въ настоящей жизни, когда внѣшнее выраженіе лица указываетъ на скроенное состояніе души, отъ чего мы

легко узнаемъ, кого гнѣтетъ печаль, кого волнуеть гнѣвъ, кто пылаеть вождѣленіемъ, и наоборотъ: кто весель, незлобивъ, украшень почтеннымъ качествомъ цѣломудрія.

Итакъ, какъ въ настоящей жизни извѣстное расположеніе сердца выражается въ обликѣ, и внутренняя страсть отображается во внѣшнемъ видѣ человѣка: такъ, кажется мнѣ, и по измѣненіи нашего естества въ болѣе совершенное состояніе, нравственныя качества человѣка будутъ причиною того или другаго вида его; не инымъ чѣмъ онъ будетъ (по существу) и инымъ являться (во внѣ), но каковъ есть, такимъ будетъ и явенъ всѣмъ, какъ то: разумнымъ, праведнымъ, кроткимъ, чистымъ, полнымъ любви, боголюбивымъ, и опять при этомъ, или имѣющимъ всѣ совершенства, или украшеннымъ однимъ только, или обладающимъ большею ихъ частію, или имѣющимъ одно совершенство въ меньшей, а другое въ большей степени. По этимъ и подобнымъ свойствамъ, относящимся какъ къ совершенству, такъ и къ тому, что противоположно ему, каждый получить различный и отдѣльный другъ отъ друга видъ, пока не *испразднится*, какъ говоритъ Апостоль, послѣдній врагъ (1 Кор. 15, 26.), и по совершенномъ устраниеніи зла изъ всѣхъ существъ, во всѣхъ снова возсіяетъ боговидная красота, по образу которой были мы созданы въ на-

чалъ. Красота же сія есть свѣтъ, и чистота, и нетлѣвіе, и жизнь, и истина, и подобное. Ибо не не прилично имъ и быть и являться чадами дня и свѣта, а въ свѣтѣ и чистотѣ и нетлѣвннн не окажется никакого измѣненія или различія въ отношеніи къ однородному. Но для всѣхъ возсіяетъ одна благодать, когда содѣлавшись сынами свѣта, *просвѣтятся яко солнце* (Матѳ. 13, 43.), по неложному слову Господа. Что всѣ достигнуть совершенства во едино, по обѣтованію Бога Слова, значитъ тоже самое, что во всѣхъ явится единая и таже самая благодать, такъ что каждый будетъ раздѣлять съ ближнимъ одну и ту же радость. Отъ сего каждый будетъ и самъ радоваться, видя красоту другаго, и сообщать свою радость; такъ-какъ какое зло не измѣнитъ облика души въ безобразный видъ. Вотъ что говоритъ намъ нашъ умъ отъ лица усопшихъ, подражая, сколько возможно, ихъ рѣчамъ. Мы же совѣтъ скорбящимъ заключимъ словами великаго Павла: *не хочу васъ не видѣти, братіе, о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущи упованія* (1 Сол. 4, 13.).

Итакъ если мы научились чему-либо заслуживающему вниманія относительно усопшихъ, по поводу коихъ любомудрствовало наше слово, то не станемъ болѣе предаваться этой неблагородной и рабской скорби; а если и нужно скорбѣть, то изберемъ оную похваль-

ную и добродѣтельную скорбь. Ибо какъ есть удовольствіе приличное животнымъ и неразумное, и есть чистое и невещественное, такъ и то, что противоположно удовольствію, раздѣляется на порочное и добродѣтельное. Есть и нѣкоторый видъ печали, достоблаженный и не непригодный для стяжанія добродѣтели, который противоположенъ этому неразумному и рабскому унынію. Предавшійся послѣднему въ послѣдствіи самъ почувствуетъ раскаяніе, что, преступивъ должные предѣлы, допустилъ побѣдить себя страданію. А достоблаженная скорбь производитъ несопровождаемую раскаяніемъ и непостыдную печаль въ тѣхъ, кои при помощи ея стремятся къ совершенству добродѣтельной жизни. Ибо скорбитъ правильно тотъ, кто чувствуетъ, какихъ благъ онъ лишился, сравнивая эту временную и нечистую жизнь съ онымъ безсмертнымъ блаженствомъ, которымъ обладалъ прежде, чѣмъ злоупотребилъ своею свободою на зло; и чѣмъ сильнѣе въ настоящей жизни тяготитъ человекъ эта скорбь, тѣмъ болѣе ускоряется для него стяжаніе вождѣленныхъ благъ. Ибо чувство недостатка прекраснаго бываетъ возбужденіемъ къ старательному исканію сильно желаемого нами. Итакъ, поелику есть и спасительная печаль, какъ мы сказали, то послушайте легко увлекающіеся недугомъ скорби, что мы не запрещаемъ печали, но только

вмѣсто предосудительной совѣтуемъ благую. Печальтесь не печалію міра, содѣлывающею смерть, какъ говоритъ Апостоль (2 Кор. 7, 10.), но печалію *по Бозь*, которой цѣль есть спасеніе души. Ибо попусту и напрасно проливаемая надъ усопшими слѣзы, можетъ быть, будутъ причиною и осужденія для того, кто дурно употребляетъ полезную вещь. Если все Премудростію Сотворившій для того ввѣдрилъ въ наше естество это расположеніе къ печали, чтобы оно служило средствомъ очищенія возобладавшаго нами зла и споспѣшествованія къ усвоенію чаемыхъ благъ, то попусту и бесполезно проливающей слѣзы, быть можетъ, будетъ виновенъ предъ собственнымъ Владыкою, по слову евангельскому, какъ худой приставникъ бесполезно расточившій ввѣренное ему богатство (Лук. 16, 1. 2.). Ибо всякое приращеніе добра есть богатство, которое числится въ честнѣхъ сокровищницахъ. Итакъ, *не хочу васъ не вѣдѣти, братіе, о умершихъ* того, что мы узнали, и если кромѣ сего какое другое ученіе откроетъ болѣе совершеннымъ Духъ Святой, *да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. 4, 12.). Ибо однимъ невѣрнымъ свойственно ограничивать надежды жизни одною настоящею жизнію; потому они и считаютъ достопащевною смерть, что для нихъ нѣтъ надежды на то, чему вѣруемъ мы. Мы же вѣруя великому Споручнику во-

скресенія изъ мертвыхъ, самому Владыкѣ всей твари, который и умеръ и воскресъ для того, чтобы дѣломъ удостовѣрить слово о воскресеніи, возымѣемъ несомнѣнную надежду благъ, при существованіи которой не будетъ имѣть мѣста печаль объ усопшихъ. Богъ же нашъ и Господь Иисусъ Христосъ, *утѣшяяй смиренныя* (2 Кор. 7, 6.), да утѣшитъ сердца ваши, и своимъ милосердіемъ да утвердитъ въ любви своей, ибо ему подобаеъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь. (а)

(а) Въ семь словъ св. Григорія Нисскаго содержатся нѣкоторыя мысли и выраженія, которыя могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, и въ которыхъ уже издревле неправомыслящіе старались найти подтвержденіе нѣкоторымъ своимъ, уклоняющимся отъ чистоты православнаго ученія, мнѣніямъ. Св. Григорій повидимому допускаеъ мысль, что не только люди преуспѣвшіе на землѣ въ жизни духовной и безстрастн, каковы были патріархи, пророки, апостолы, мученики, достигнуть вѣчнаго блаженства, но и „прочіе, путемъ исправительнаго воспитанія въ послѣдующей жизни, отрѣшившись въ очистительномъ огнѣ пристрастія къ веществу, посредствомъ свободнаго вождѣленія того, что благо, возвратятся къ предназначенной отъ начала въ удѣлъ нашему естеству благодати“; что „по совершенномъ устраниеніи зла изъ всѣхъ существъ, во всѣхъ снова возсіяеъ боговѣдная красота, по образу которой мы были созданы въ началѣ“. Въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ, въ древности послѣдователи Оригена находили подтвержденіе мнѣнію своего учителя о возстановленіи всего въ состояніе первобытнаго совершенства (*ἀποκατάστασις*), а въ послѣдствіи латиняне думали видѣть подтвержденіе своего ученія о чистищномъ огнѣ. Отъ нареканій оригенистовъ старались защититъ св. Григорія, препод. Варсануфій, св. Максимъ исповѣдникъ, препод. Феодоръ Студитъ, патріархи Германъ и Фотій. Они указывали отчасти на то, что ученіе

о возстановленіи всего имѣеть у св. Григорія значеніе отличное отъ Оригенова (св. Ѳеодоръ и Максимъ), отчасти на поврежденіе сочиненій Григоріевыхъ еретиками (блаж. Германъ и Фотій), отчасти на необходимость различенія въ писаніяхъ св. Отцевъ ученія догматическаго, внушеннаго Духомъ святымъ и посему принятаго церковію, и частныхъ мнѣній, которыя они могли заимствовать отъ своихъ учителей (преп. Варсануфій). На ту же необходимость отличать въ писаніяхъ отеческихъ личныя и частныя мнѣнія отъ ученія вселенской церкви, указывалъ и блаженный Маркъ Ефесскій латинянамъ, находившимъ въ твореніяхъ св. Григорія подтвержденіе своего ученія о чистилищѣ. „Человѣку, говорилъ онъ, хотя бы онъ достигъ и верха святости, не возможно не погрѣшать, и особенно въ такихъ предметахъ, о которыхъ прежде не было изслѣдованія и не было дано отцами общаго, соборнаго рѣшенія.“ (Какъ сынъ свидѣтельства отцевъ и учителей церкви въ защиту св. Григорія, такъ и доказательства вообще чистоты его ученія, заимствованныя изъ другихъ его сочиненій, съ подробностію изложены въ статьѣ: „Св. Григорій Нисскій“, въ Прибавленіяхъ къ Твор. Св. Отцевъ, Часть XX, 1861 г., стр. 77—92). Впрочемъ внимательное чтеніе и сего одного слова, безъ сличенія его съ другими твореніями св. Григорія, можетъ достаточно убѣдить, что не смотря на нѣкоторую своеобразность мнѣній, ученіе пастыря нисскаго равно далеко какъ отъ оригенизма, такъ и отъ мнѣній латинянь о чистилищѣ. Необходимо имѣть въ виду, что св. Григорій, предлагая въ семь словъ утѣшенія скорбящимъ объ отшедшихъ изъ сей жизни и указывая на превосходство жизни будущей предъ настоящею, говоритъ только объ усопшихъ христіанахъ, скончавшихся въ упованіи жизни вѣчной и чааніи ея благовѣстия, слѣдовательно о тѣхъ, кои уже здѣсь, на землѣ, по благодати, которой сподобились и по своей вѣрѣ и дѣламъ, содѣялись достойными сего чаанія. Отъ нихъ онъ отличаетъ невѣрныхъ, ограничивающихъ надежды жизни однимъ настоящимъ, которые „по тому и считаютъ достопащевною смерть, что для нихъ нѣтъ надежды на то, чему вѣруемъ мы“. Что какъ симъ невѣрнымъ, такъ и нераскаяннымъ грѣшникамъ предлежитъ *вѣчное* мученіе, о семъ св. Григорій учить ясно (Приб. къ Тв. Отцевъ. Часть XX, стр. 77—81). Отсюда видно, что ученіе св. Григорія о конечномъ изглаженіи зла и возстановленіи всего въ первобытное совершенство относится только до части спасаемыхъ, до вѣрующихъ во Христа, изъ коихъ одни (какъ патріархи, апостолы, пророки, мученики) и на землѣ достигли возможнаго совершенства, а *прочіе* (т. е.

вѣрующіе же во Христа), хотя и положили въ настоящей жизни начало нравственному преуспѣванію, но по немощи воли еще не совершенно очистили себя отъ грѣховности. Эти останки грѣховности, эти слѣды нравственнаго несовершенства, въ жизни будущей „путемъ исправительнаго воспитанія“, какъ говоритъ св. Григорій, постепенно отпадутъ и исчезнутъ, какъ отпадаетъ изгарь отъ плавимаго металла. Въ семъ смыслѣ св. Григорій могъ, не уклоняясь отъ чистоты православнаго ученія, говорить о совершенномъ исчезновеніи зла не вообще изъ міра, но изъ царства Божія, гдѣ будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, и о восстановленіи въ немъ всего въ состояніе первобытнаго совершенства. Что же касается теперь до способа сего исправительнаго воспитанія, который св. Григорій называетъ очистительнымъ огнемъ или пещію очищающаго огня, то онъ ясно даетъ разумѣть, что выраженія сии имѣютъ у него иносказательное значеніе. Онѣ заимствуются изъ сравненія, которымъ св. Григорій изъясняетъ необходимость измѣненія нашей природы при переходѣ ея въ высшее состояніе. Для сравненія употребляетъ онъ глыбу желѣза, сперва служащую наковальнею, потомъ, при посредствѣ огня и молота, передѣлываемую въ тонкое оружіе. Заимствуя отсюда выраженіе: огонь очистительный, онъ далѣе даетъ разумѣть, что огонь сей и его дѣйствіе, выражаютъ лишеніе въ жизни будущей съ разрушеніемъ тѣла смертію, какъ чувствъ и стремленій чувственной природы необходимыхъ для поддержанія тѣлесной жизни, такъ и всего того, что посредствомъ сихъ чувствъ и стремленій услаждало несовершенныхъ и увлекало порочную волю ко грѣху. Сіе лишеніе, пробудивъ въ душѣ сознаніе суетности земныхъ и вещественныхъ благъ и стремленіе къ благамъ вѣчнымъ, невещественнымъ, будетъ служить путемъ къ окончательному ея очищенію. Очевидно, что въ семъ ученіи нѣтъ ничего несогласнаго съ словомъ Божиимъ и подобнаго ученію латинянъ объ огнѣ чистилицномъ.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
11	3 снизу	сотворившій, <i>быз</i>	сотворившій, дабы мы стали праведны, <i>быз</i>
19	15 сверху	запасъ	запахъ
226	4 —	что есть	что́ есть
240	11 —	у невещественнаго	отъ невещественнаго
264	6 —	душамъ,	душамъ;
—	12 —	Богу	къ Богу
305	2 сн.	обличить	обличать
307	5 —	и о немъ	и не о немъ
316	3 св.	противное ему	противное сему
340	5 сн.	ясною	яснымъ
345	5 —	искомое станетъ вид- нымъ и душѣ	то искомое станетъ виднымъ, и душѣ
372	8 —	одинъ ведомый	одинъ видимый
378	3 св.	можетъ	можетъ
463	7 сн.	бозлоднымъ	безлоднымъ

СОДЕРЖАНІЕ

С Е Д Ъ М А Г О Т О М А

ТВОРЕНІЙ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

	<i>Стран.</i>
Слово противъ Арія и Савеллія.....	1
Слово о Св. Духѣ противъ македоніанъ.....	23
Опроверженіе мѣтній Аполлинарія (антирритикъ).....	59
Противъ Аполлинарія, къ Теофілу, епископу александрійскому.....	202
Къ Армонію, о томъ, что значитъ имя и названіе: христіанинъ.....	211
О совершенствѣ, и о томъ, какимъ должно быть христіанину. Къ Олимпію монаху.....	224
О цѣли жизни по Богѣ; объ истинномъ подвижничествѣ; отвѣтъ подвижникамъ, спрашивавшимъ о цѣли благочестія, и начертаніе, какъ жить и подвизаться въ обществѣ.....	263
О лѣвствѣ. Письмо, содержащее увѣщаніе къ добродѣтельной жизни.....	284
О нищелюбіи и благотворительности.....	395
Противъ отлагающихъ крещеніе.....	434
На слова Писанія: а блудій во свое тѣло согрѣшаетъ (1 Кор. 6, 18.).....	451
Противъ ростовщиковъ.....	457
Противъ тяготящихся церковными наказаніями.....	474
Слово къ скорбящимъ о преставившихся отъ настоящей жизни въ вѣчную.....	485